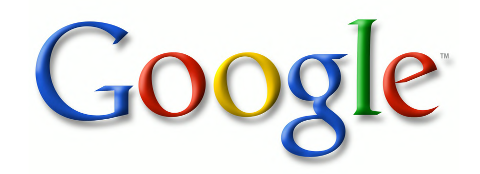
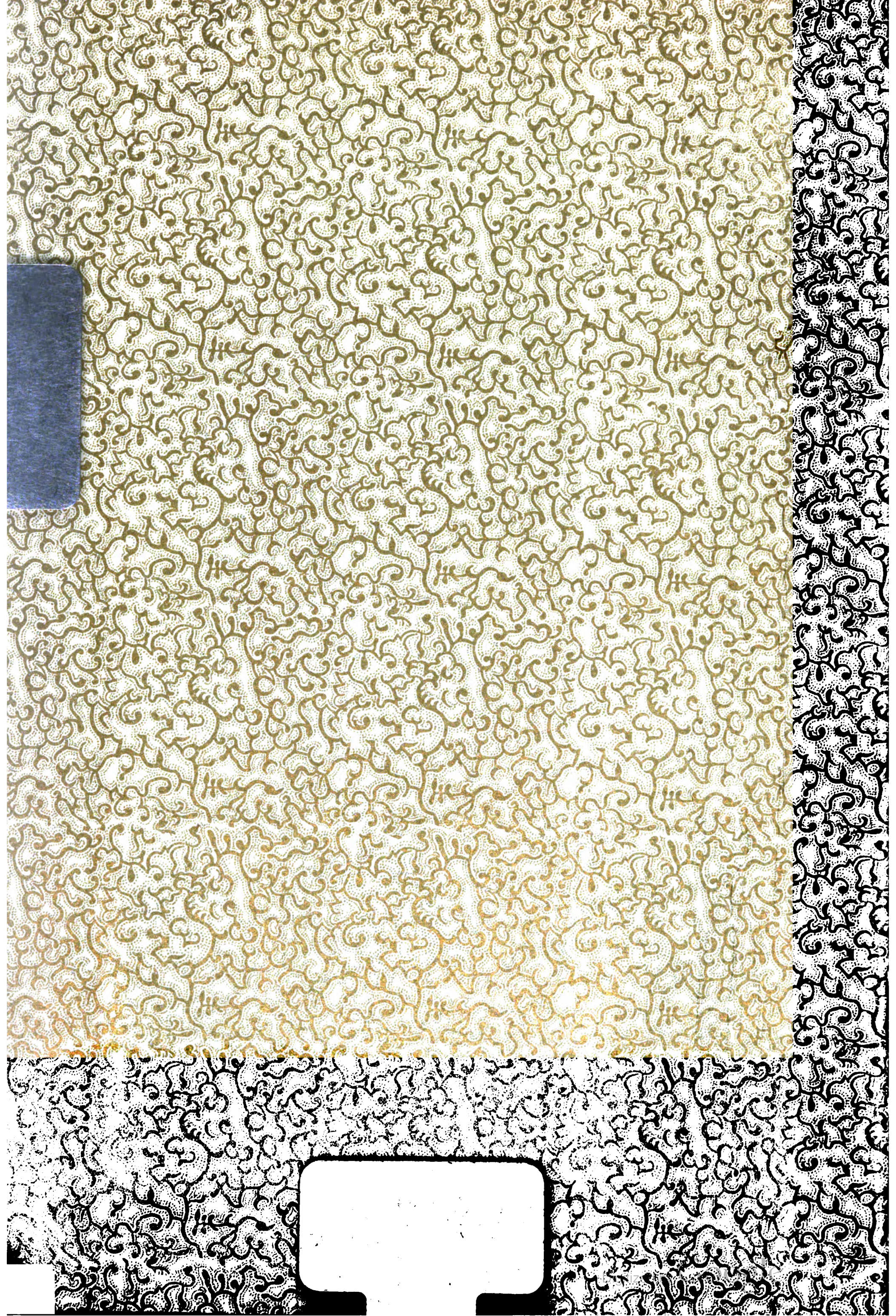
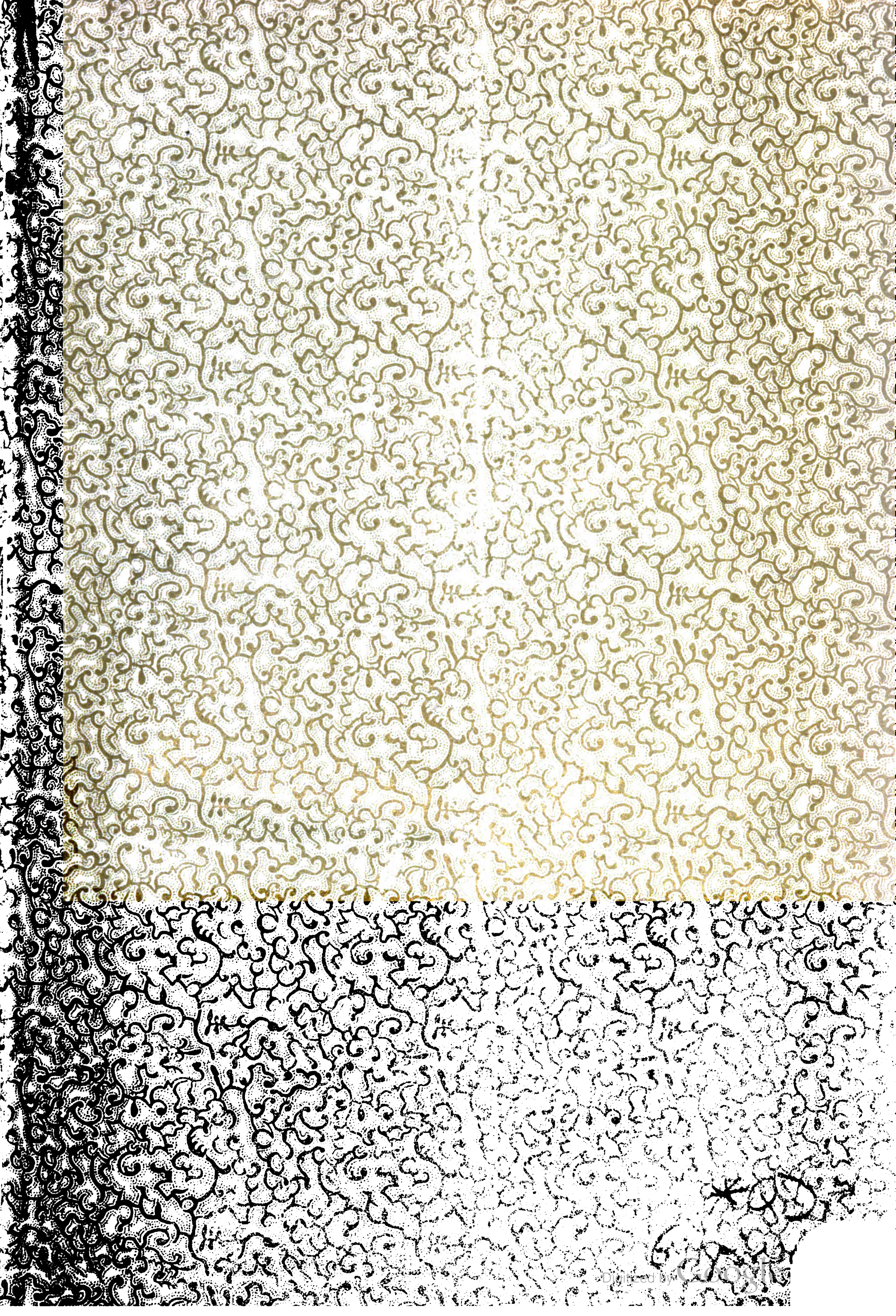






Вл. Гиляровскій

ЗАБЫТАЯ ТЕТРАДЬ

СТИХОТВОРЕНІЯ

Пройдутъ года.... Откроешь ты
Тетрадь случайно предъ собою
И пусть, кипучею волною,
Воскреснутъ съ прелестью былою
Далекой юности мечты!

1894.

ВЛ. ГИЛЯРОВСКІЙ.

ЗАБЫТАЯ ТЕТРАДЬ

(СТИХОТВОРЕНІЯ.)

МОСКВА.
Типографія Елиз. Гербекъ, Салтыковскій пер., д. Головкиныхъ.
1894.

ЗАБЫТАЯ ТЕТРАДЬ.

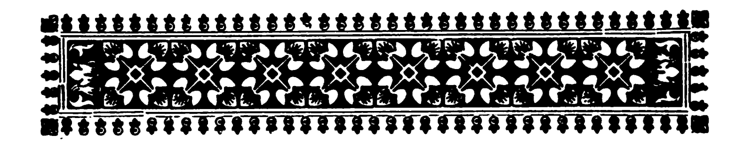
Забытая тетрадь.

Когда-то, полный вдохновенья,
Тетрадку эту исписалъ,
Мои печали и волненья,
И пылъ кипучій увлеченья,
Что я любилъ, о чемъ мечталъ,
О всемъ съ восторгомъ разсказалъ.

Но время шло. Передо мною
Опять знакомая тетрадь,
И чувства старыя волною
Овладѣваютъ вновь душою.
И не вернуть того опять,
О чемъ любилъ тогда мечтать.

И дни за днями проходили,
И годы долгіе прошли,
Все, что любили, — разлюбили,
Тетрадку эту позабыли,
Она заброшена, въ пыли,
Её случайно Вы нашли!

1891. 5^го Іюля. Москва.   Вл. Гиляровскій.



НОЧНАЯ ГРОЗА.

Закатилось солнце. Скоро ночь глухая
Спустится надъ лѣсомъ темной пеленою,
Молнія, сквозь тучи грозныя сверкая,
Огненныя стрѣлы мечетъ предо мною.
Издали раскаты слышны громовые,
Въ воздухѣ усталомъ нѣга до истомы.
Предо мною ясно дни встаютъ былые,
И тогда я слышалъ тѣ-жъ раскаты грома,
Молніи все также тучи прорѣзали,
Также мракъ спускался надъ шумѣвшимъ боромъ....
Молніи да грома мы не замѣчали,
Не смотрѣли въ небо мы пытливымъ взоромъ.—
Но промчалось время. Солнце закатилось
Темныхъ тучъ громада по небу несется,
Чѣмъ когда то сердце пылко, страстно билось—
Все навѣкъ забыто, да и не вернется!...
Все темнѣй несутся тучи грозовыя,
За зеленымъ боромъ глухо громъ рокочетъ,
Словно дней счастливыхъ времена былыя
Воскресить на сердцѣ утомленномъ хочетъ.

МОРЕ.

Грохочетъ волнъ кипящая громада
И пѣной бѣлою стремится черезъ край,
Я вижу пропасти, пучины вижу ада
Тамъ, гдѣ сіялъ передъ глазами рай.
Утихнетъ ураганъ, окончится ненастье
И гнѣвъ пройдетъ, и тихая печаль
Сулитъ мнѣ радости, я снова вижу счастье
Спокойно я смотрю въ таинственную даль....
Не море-ль ты? Въ твоихъ очахъ глубокихъ,
Когда покроетъ ихъ волненія туманъ
Я вижу бурю водъ морскихъ далекихъ,
И молній блескъ и грозный ураганъ.
Я, какъ пловецъ, свои теряю силы
И лишь живу надеждою одной,
Что снова взглядъ увижу, сердцу милый,
И счастье прошлое воскреснетъ предо мной!

---

*
* *

Къ свѣту тянется ребенокъ и въ младенческіе годы
Любитъ небо голубое, любитъ солнца свѣтъ веселый.
Кто хранитъ любовь ту вѣчно въ жизни долгой и
тяжелой,
Къ свѣту знанья и науки, свѣту правды и свободы,—
Тотъ душою, какъ ребенокъ, такъ же свѣтелъ, чистъ
и ясенъ
И тому, какъ и ребенку, мрака темный міръ ужасенъ:
Онъ боится тьмы и мрака, тьмы невѣжества великой,
Гдѣ чудовища ютятся, полны къ свѣту злобы дикой.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Закатомъ солнца освѣщенный,
Горитъ на церкви крестъ вдали,
И забѣлѣлся полосою
Туманъ, поднявшись отъ земли....
Ни звука.... Развѣ проскрипитъ
Снопами полная телѣга,
А тамъ опять нѣмая тишь
И упоительная нѣга!

М. И. М—ой.

Поручаю тебѣ, дорогая,
Мою жизнь и суровую долю,
И мечты, и надежды, и силы
И могучую буйную волю!
Все то, все я тебѣ уступаю,
Все отдамъ я за слово привѣта,
Только дикую, буйную волю
Жаль мнѣ больше и жизни и свѣта.
Все отдамъ я тебѣ не жалѣя,
Что дано мнѣ судьбою на долю,
Не отдамъ только волю я даромъ—
Заплати мнѣ любовью за волю!

***

Среди альбома дорогаго
Нашелъ я прозы три строки,
Въ нихъ отблескъ счастія былаго
Въ знакомомъ почеркѣ руки.
  Межъ представителей искусства,
  Блеснувшихъ въ пламенныхъ стихахъ,
  Я не нашелъ такого чувства,
  Какъ въ этихъ милыхъ мнѣ строкахъ.
И вырвалъ я страницу эту,
Чтобъ никому не отдавать:
Вѣдь избалованному свѣту
Простаго слова не понять!

ПЕРЕДЪ БУРЕЙ.

Видишь вдали, на небесной лазури
Туча чернѣетъ, предвѣстница бури;

Видишь? Мы смѣло ее подождемъ,
Страшнымъ она разразится дождемъ,

Грома раскаты пойдутъ удалые
Сосны въ лѣсу поломаетъ гнилыя,

Рѣки далеко зальютъ берега,
Озеромъ станутъ казаться луга,

Смоется быстро болотная тина.
Кончится буря—другая картина:

Яркое солнце на небѣ взойдетъ,
Полною грудью природа вздохнетъ

И послѣ грозныхъ раскатовъ и бури
Солнце яснѣе заблещетъ въ лазури.

У МОРЯ.

Стоялъ я у моря. Высоко валы,
Бѣлѣя на синемъ просторѣ, вздымались,
Они исчезали въ туманѣ средь мглы,
О грани утесовъ они разбивались
И пѣнною влагой бѣжали назадъ,
И мелкими брызгами въ море спадая,
Опять становились въ воинственный рядъ.
И каждая капля, въ волнахъ исчезая,
Казалось мнѣ, будто живою была,
А грозная, темная моря громада,
Жила вмѣстѣ съ ними, то ярко свѣтла,
То въ бурю мрачнѣе, чѣмъ пропасти ада.
Вотъ капля изъ моря упала къ ногамъ
И высохла быстро, пропала безслѣдно....
И нѣтъ до ней дѣла родимымъ волнамъ:—
Она не живетъ ужъ, а море побѣдно
Все хлещетъ въ утесы, сердито реветъ....
И мнится мнѣ: жизнь наша—капля изъ моря,
Она прекратится—все такъ-же пойдетъ,
И также, не вѣдая близкаго горя,
Вся жизнь міровая кипучей волной
Помчится, какъ будто ни въ чемъ не бывало....
Никто не замѣтитъ, что капли родной,
Погибшей въ борьбѣ вмѣстѣ съ нею,—не стало!

***

(съ итальянскаго).

Я хотѣлъ умереть-бы весною,
Когда ласточки гнѣзда свиваютъ,
Когда дышутъ лѣса ароматомъ,
И цвѣты на поляхъ разцвѣтаютъ.
Подъ лучемъ восходящаго солнца
Я хочу умереть рано утромъ,
Когда лугъ подъ росою душистой,
Разноцвѣтнымъ горитъ перламутромъ,
Но мнѣ страшны объятія смерти,
Когда буря осенняя воетъ,
И лучи заходящаго солнца
Туча черная мракомъ покроетъ.
Я хотѣлъ умереть-бы весною,
Когда ласточки гнѣзда свиваютъ,
Когда дышутъ лѣса ароматомъ,
А цвѣты на цоляхъ разцвѣтаютъ.



АГАСФЕРЪ.

I.

Идетъ каменистой пустыней,
И лѣсомъ дремучимъ идетъ,
Струями рѣки темно-синей,
Впередъ все, впередъ и впередъ....
Идетъ по волнамъ океана,
Подъ пальмами рощи густой,
Болотомъ идетъ межъ бурьяна,
Идетъ по корѣ ледяной.
Онъ пылью покрытъ вѣковою,
На немъ вся одежда цѣла;
Его голова, съ бородою,
Какъ утренній иней бѣла.
Идетъ онъ и въ знойное лѣто,
Идетъ онъ холодной зимой;
Въ рукахъ золотая монета,
И посохъ истертый въ другой.
Онъ нищаго встрѣтитъ порою
И броситъ монету въ суму
Своею костлявой рукою—
И деньги не нужны ему.

Едва лишь монету онъ бросить,
Другая въ рукѣ заблеститъ,
И вѣчно онъ золото носитъ,
И вѣчно впередъ онъ спѣшитъ.
Вотъ нива, сады и селенья,
Богатствами блещетъ весь край,
Онъ хочетъ присѣсть—но велѣнье
Звучитъ роковое: ступай!...
И снова идетъ. Надъ рѣкою
Лежитъ заповѣданный путь.
Мечтаетъ онъ жажду водою
Унять—но спины не согнуть.
Идетъ онъ колосьями нивы,—
А пищи не видѣлъ вѣка,—
Колосья желты и красивы,
Но взять ихъ не можетъ рука.
Идетъ онъ неслышной стопою
Межъ селъ, деревень, городовъ,
Бесѣдуя тихо съ собою,
Подъ властью навѣянныхъ сновъ.
Правдивое, вѣщее слово
Въ пустыняхъ безлюдныхъ гремитъ:
„Увижу-ли родину снова,
Я, бѣдный, блуждающій жидъ!
Ужаснѣе нѣтъ наказанья,
Но что-жъ! я его заслужилъ.
Христа, подъ крестомъ, на страданье
Вели—я Его оскорбилъ.
Мой грѣхъ предо мной, хоть два вѣка

Минули ужъ, призракомъ всталъ.
Христа оскорбилъ—Человѣка,
Того, что за міръ пострадалъ....
Я помню—стоялъ у порога,
Своей окруженный семьей;
Вилась предо мною дорога,
Покрытая шумной толпой.
По ней съ окровавленнымъ ликомъ
Шелъ Тотъ, Кто былъ названъ Христомъ!
Толпа въ изступленіи дикомъ
Смѣялась: Онъ палъ подъ крестомъ!
И вотъ Онъ со мной уже рядомъ,
Оперся рукой о крыльцо,
И кроткимъ, божественнымъ взглядомъ
Смотрѣлъ мнѣ, моляся, въ лицо.
— Дай отдыхъ! —
                    Что стало со мною,
Не знаю; народъ хохоталъ;
Его по лицу я ногою
Ударилъ—Страдалецъ упалъ.
Чело отирая отъ праха,
Онъ кротко взглянулъ на меня.
Тутъ, полный безумнаго страха,
Бѣжалъ я, то въ лѣсъ то въ поля.
    ,,Голгофа. Кресты предо мною,
И страждущій ликъ тамъ, и взглядъ,
Исполненный кроткой мольбою.
Я бросился снова назадъ....
И больше семью я родную

Не видѣлъ, не молвилъ: прощай!
Въ страну уходилъ я чужую,
И голосъ лишь слышалъ: „Ступай!“
Хотѣлъ я назадъ обернуться,
Иль стать посрединѣ пути,
Прилечь, иль былинкой пригнуться,
Но долженъ впередъ былъ идти.
И шелъ я отъ края до края,
И вотъ океанъ предо мной:
Рѣшилъ утонуть,—но ступая,
Я шелъ, какъ знакомой тропой
По водной, безбрежной пустынѣ,
Гдѣ можетъ лишь птица летѣть.
На сѣверъ пошелъ, и на льдинѣ,
Я думалъ, могу умереть;
Бросался въ пещеры со львами,
Но звѣри бѣжали меня;
Въ вулканъ опустился съ огнями,
И вышелъ я цѣлъ изъ огня.
На полюсѣ былъ я далекомъ,
Гдѣ люди иные живутъ,
И тамъ я ходилъ одинокимъ,
И тамъ не нашелъ я пріютъ.
Ужъ снѣга бѣлѣе сталъ волосъ,
Могила была бы мнѣ рай,
Но всюду мнѣ слышится голосъ:
„Ступай!...“

II.

„А годы шли. Весь кругъ вселенной
Я обошелъ. Къ странѣ родной
Направилъ путь, гдѣ градъ священный
Блисталъ верхушкой золотой.
Вотъ предо мной Іерусалима
Бѣлѣетъ грозная стѣна,
А солнцемъ полудня палима,
Кругомъ вся выжжена страна.
Гдѣ лавръ? гдѣ зелень? Удивленный,
Къ стѣнамъ я смѣло подошелъ,
И, прямо въ сердце пораженный,
Я отъ Салима вновь ушелъ....
Семья и дѣти?... Все пропало,
Давно могилы заросли,
Израильтянъ уже не стало,
И снова изъ родной земли,
Какъ вырванный изъ поля колосъ,
Помчался я въ далекій край,
И вслѣдъ мнѣ раздавался голосъ:
„Ступай!“
„Вотъ Рима грозныя громады
Опять я вижу предъ собой,
Но въ Римъ ужъ съ сѣвера номады
Стучались грозною волной.
Сталъ изъ столицы вѣчной міра
Простой торговый городокъ;
Забыты скипетръ и порфира,

Предъ чѣмъ дрожалъ въ цѣпяхъ Востокъ.
Лишь въ синемъ воздухѣ чернѣя,
Какъ я, безмолвенъ нелюдимъ,
Громадный профиль Колизея
Пугалъ величіемъ своимъ.
И многія минулъ я царства,
Гдѣ на развалинахъ столицъ,
Прошедшихъ славу и мытарства,
Я только видѣлъ хищныхъ птицъ.
Прошли вѣка, года бѣжали
Передо мною, словно дни,
И царства новыя вставали,
И быстро рушились они.
Вставали, исчезали снова
Въ волненьяхъ битвы и въ крови;
Одно лишь уцѣлѣло слово
Христово—братства и любви.
Христа того, что я когда-то,
Безумецъ, дерзко оскорбилъ;
Того Христа, что самъ за брата,
За человѣка распятъ былъ...
Все гибло—царства и селенья;
Гдѣ городъ былъ—земля пуста.
Одно лишь слово всепрощенья,
Любви къ врагамъ—завѣтъ Христа—
Росло.
Герои преклонялись,
Окровавленый бросивъ мечъ,
Герои тѣ, что не сгибались

Передъ врагомъ, готовясь лечь
Въ кровавой битвѣ—передъ словомъ
Склонялись гордой головой,
И съ радостью, въ порывѣ новомъ
Бросали мечъ и панцырь свой.
Но люди были такъ же дики;
Не вѣря знаменью креста,
Ихъ оскорбленные владыки
Казнили смертью, какъ Христа.
И вотъ я, въ часъ подобной казни
Хотѣлъ сказать: О, не дерзай
Казнить, владыка!.. Безъ боязни
Пошелъ къ нему, но вдругъ: „Ступай!“
Раздался голосъ. И послушный
Тому велѣнью, снова въ путь
Пошелъ, покинувъ городъ душный,
Чтобъ никогда не отдохнуть,
Чтобъ безъ конца ходить по свѣту,
Не слыша отъ чужихъ людей
Ни слова ласки и привѣта,
Не слыша родственныхъ рѣчей...
На вѣкъ забывши о могилѣ,
Гдѣ смерть—спокойствіе—живетъ,
Покорный вѣчной грозной силѣ,
Идти я буду все впередъ,
Пока земля оледенѣетъ,
Или сотлѣетъ, какъ вулканъ,
Иль поглотить ее съумѣетъ
Волной безбрежный океанъ.

И я пойду.
„Иль, можетъ, слово
Прощенья, правды и любви
Раздастся громко и сурово.
Міръ, захлебнувшійся въ крови,
Вонметъ тогда словамъ прощенья,
Враги смирятся, какъ друзья,
Тогда окончатся мученья
Мои, сойду въ могилу я,
И лягу тамъ, вдали Востока,
Или вернусь въ родимый край...
Но слышенъ голосъ издалека:
„Ступай!“

ПАМЯТИ Н. Н. МИКЛУХИ—МАКЛАЯ.

Онъ въ душной больницѣ одинъ умиралъ,
Жестоко предъ смертью страдая:
Но въ грезахъ порою предъ нимъ возставалъ
Далекаго моря рокочущій валъ
  И берегъ цвѣтущій Маклая.
Онъ видѣлъ: въ широкой, туманной дали
Полоска блеститъ золотая,—
То берегъ невѣдомой, новой земли
Онъ видѣлъ: летятъ по морямъ корабли
  На берегъ цвѣтущій Маклая.
И рвался онъ жаждущей воли душой
Изъ нашего бѣднаго края,
Изъ этой столицы туманной, сырой,
На южное море, подъ сводъ голубой,
  На берегъ цвѣтущій Маклая...
Въ пріютѣ усопшихъ, межъ разныхъ могилъ,
Съ крестомъ есть могилка простая,—
Тамъ въ снѣжныхъ сугробахъ навѣки почилъ,
Кто новую землю на югѣ открылъ
  И берегъ цвѣтущій Маклая.

НА МОГИЛѢ Л. И. ПАЛЬМИНА.

Слыхали мы не разъ, когда струна
Порой на арфѣ нѣжной оборвется,
И звука тонкая, дрожащая волна
Замретъ и въ воздухъ унесется.
Здѣсь жизни порвалась струна. Поэтъ
Окончилъ жить. Но пѣсни его живы,
И прозвучатъ, хоть нѣтъ его, на много лѣтъ
У насъ въ душѣ знакомые мотивы.

***

Спи мое милое дитятко,
 Пѣсню спою я любя,
Пѣсню спою да подумаю,
 Что ожидаетъ тебя.
Смѣло гляди ты въ грядущее,
 Будь неприклоненъ въ борьбѣ,
Въ жизни старайся безъ трепета
 Ставить преграды судьбѣ.
Спи мое бѣдное дитятко,
 Силъ набирайся пока,—
Время настанетъ тяжелое,
 Съ жизнью борьба не легка.

ВЛАДИМІРКА—БОЛЬШАЯ ДОРОГА.

(посвящаю И. И. Левитану).

Межь чернѣющихъ подъ паромъ
Плугомъ поднятыхъ полей
Лентой тянется дорога
Изумруда зеленей....
То Владимірка....
Когда то
Оглашалъ ее и стонъ
Безконечнаго страданья,
И цѣпей желѣзныхъ звонъ.
По бокамъ ея тянулись
Стройно линіи березъ,
А трава, что зеленѣетъ,
Рождена потокомъ слезъ....
Незабудки голубыя—
Это слезы матерей,
Въ лютомъ горе провожавшихъ,
Въ даль безвѣстную дѣтей....
Вотъ фіалки.... Здѣсь невѣста,
Разбивая чары грезъ,
Попращавшись съ другомъ милымъ,
Пролила потоки слезъ....
Все цвѣты, гдѣ прежде слезы,
Прибивали пыль порой,
Гдѣ гремѣли колымаги
По дорогѣ столбовой.
Помню ясно дни былые,

И картинъ мелькаетъ рядъ:
Стройной линiей березы
Надъ канавами стоятъ....
Вижу торную дорогу
Сажень въ тридцать ширины,
Травки нѣтъ на той дорогѣ
Нескончаемой длины...
Телеграфъ гудитъ высоко,
Полосатая верста,
Да часовенка въ сторонкѣ
У ракитова куста.
Пыль клубится предо мною
Ближе.... ближе. Стукъ шаговъ,
Мѣрный звонъ цѣпей желѣзныхъ,
Да тревожный лязгъ штыковъ....
„Помогите намъ, несчастнымъ,
Помогите, бѣднымъ—намъ!...“
Такъ поютъ подъ звонъ желѣза,
Что приковоно къ ногамъ.
Вотъ сквозь пыль штыки сверкаютъ,
Блещутъ ружья на плечахъ,
Дальше сѣрыя шеренги—
Всѣ закованы въ цѣпяхъ.
Врагъ и другъ соединились,
Всѣхъ связалъ желѣзный прутъ
И подъ строгимъ карауломъ
Люди въ каторгу бредутъ!
Но насталъ конецъ.
Дорога,

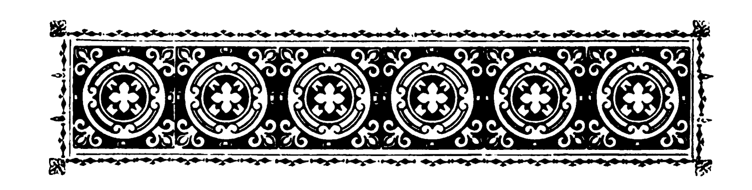
Что за мной и предо мной,
Не услышитъ звонъ кандальный
Надъ зеленой пеленой....
Я спокоенъ—не увижу
Здѣсь картинъ забытыхъ дней,
Не услышу пѣсенъ стоны,
Лязгъ штыковъ и звонъ цѣпей....
Я иду впередъ спокойный...
Чу!... свистокъ. На всѣхъ парахъ,
Вдаль къ востоку, мчится поѣздъ,
Часовые на постахъ,
На площадкахъ возлѣ двери,
Гдѣ одинъ, гдѣ двое въ рядъ...
А въ оконца, сквозь рѣшетки,
Шапки сѣрыя глядятъ!

ГОРѢЛЫЙ ЛѢСЪ.

Усталъ я жить! Нѣтъ въ мірѣ для меня
Впередъ манящихъ сладостныхъ мгновеній,
Въ душѣ усталой нѣтъ ни страсти, ни огня,
И больше нѣтъ мучительныхъ сомнѣній....
Я просто жить усталъ! Желаній никакихъ,
Ни вѣры ни во что.... Живу безъ ожиданья
Счастливыхъ дней—и быть не можетъ ихъ:—
Я жить усталъ, я пережилъ желанья!
Горѣлый лѣсъ унылой полосой
Чернѣетъ, словно трауръ погребальный.....
Какъ этотъ лѣсъ—души моей покой,
Безжизненный, унылый и печальный!
А помню я: прекрасенъ былъ тотъ лѣсъ,
Его зеленыя вершины закрывали
И солнца лучъ, и тихій сводъ небесъ,
И передъ бурею недвижимо стояли....
Онъ не живетъ теперь, унылой полосой
Чернѣется, какъ трауръ погребальный,
Борьбу окончилъ онъ!
Мнѣ близокъ тотъ покой
Безжизненный, унылый и печальный!

ВЪ ЗАБЫТОЙ УСАДЬБѢ.

И здѣсь когда то жизнь кипѣла,
Гремѣлъ оркестровъ стройный хоръ,
Въ аллеяхъ, робко и не смѣло,
Журчалъ любовный разговоръ.
Сіялъ блестящими огнями
Высокихъ оконъ свѣтлый рядъ
И иноземными цвѣтами
Благоухалъ тѣнистый садъ,
А ночью темною гостей
Прельщалъ веселый соловей.
Прошли года...
Гдѣ жизнь кипѣла—
Тамъ смолкло все, покинутъ домъ...
Карнизъ роскошный стаей смѣлой
Нахальныхъ галокъ заселенъ...
Гдѣ прежде яркими огнями
Сіялъ высокихъ оконъ рядъ
И гдѣ веселыми гостями
Былъ оживленъ тѣнистый садъ—
Тамъ мертвый сонъ...
Лишь средь вѣтвей
Поетъ веселый соловей.



ЗАПОРОЖЦЫ.

У Карла пиръ. Какъ моря волны,
Какъ въ бурю грозная рѣка,
Шумятъ кругомъ, отваги полны,
Непобѣдимыя войска.
Обносятъ чаши круговыя,
Горитъ смоленыхъ бочекъ рядъ,
И грозно пѣсни боевыя
Въ туманномъ воздухѣ звучатъ.
Герой войны, любимецъ славы,
Пируетъ Карлъ межъ русскихъ нивъ,
Непобѣдимы скандинавы,
Пока ихъ вождь безсмертный живъ.
И за здоровье дорогое
Того, кто имъ и другъ, и братъ,
Пьетъ лихо войско удалое,
И слышны клики: „Карлъ, виватъ!“
И Карлъ встаетъ. Движенья просты,
Величья полнъ спокойный видъ.
И отвѣчаетъ онъ на тосты

И снова пить и пѣть велитъ.
А рядомъ съ Карломъ, съ чашей, пѣнной,
Сидитъ весь въ бархатѣ старикъ;
Усы сѣдые, взглядъ надменный,
То ласковъ, то суровъ и дикъ,
Глаза полны огня и тайны,
(Была, знать, доля не легка)...
И снова тосты:

— „За Украйну,

И за Мазепу старика!“
Пиръ для него. Привычной лестью
Съумѣлъ онъ Карлу обѣщать
Свою Украйну. Клялся честью,
Что запорожцевъ грозныхъ рать
Отдастся Карлу. А съ такою
Удалой ратью, какъ они,
Побѣды нѣтъ, гдѣ нѣтъ лишь бою.
„Да вотъ идутъ они: взгляни!“
Вскричалъ Мазепа....

Темной тучей

Вилася пыль въ степной дали,
Вотъ рати грозной и могучей
Ужь видны люди.... Всѣ въ пыли...
Въ поту, измучены ихъ кони,
Покрылъ ихъ степи прахъ густой,
Какъ будто мчались отъ погони,
Иль завершили жаркій бой.
Остановились. Въ изумленьи
Карлъ смотритъ на своихъ гостей.

Пройдя полъ-свѣта безъ сомнѣнья,
Такихъ не видѣлъ онъ людей.
Кто въ чемъ одѣтъ. На томъ папаха,
Изъ черна-соболя околъ,
На томъ парчевая рубаха,
На этомъ бархатъ, этотъ голъ,
И лишь полгруди закрываютъ
Усы, почти въ аршинъ длины.
За то оружьемъ щеголяютъ
Удалой Хортицы сыны.
Предъ войскомъ, какъ изъ бронзы слитый,
Гарцуетъ стройный исполинъ,
То атаманъ ихъ знаменитый,
То—Гордіенко Константинъ.
Онъ въ кунтушѣ и черной буркѣ,
Ничуть не скрывшей тонкій станъ;
Въ Царьградѣ отнятый, у турки,
Блеститъ въ алмазахъ ятаганъ.
Изъ подъ папахи чубъ курчавый
Черезъ плечо на грудь упалъ....
Такой фигуры величавой
Никто изъ шведовъ не видалъ.
Ведетъ Мазепа къ Карлу гостя,
И грозный атаманъ предъ нимъ.
— Вотъ, Гордіенко, славный, Костя,
Предъ кѣмъ дрожатъ полякъ и Крымъ.
Вотъ войска нашего отрада,
Опора запорожскихъ силъ,
Не разъ твердыни Царяграда

Удалый рыцарь нашъ громилъ.
Вотъ онъ, надежда Запорожья,
Косматыхъ рыцарей кумиръ!
Коль Костя твой, да воля Божья,
Такъ покоришь ты цѣлый міръ.
И подалъ руку Карлъ герою
И съ атаманомъ рядомъ сѣлъ,
И снова съ чашей круговою
Пиръ прекращенный закипѣлъ.
Несутъ два шведа чашу гостю,
Съ почетомъ Карлъ предъ нимъ встаетъ.
— Будь здравъ, король!
И залпомъ Костя
До дна всю эту чашу пьетъ.
— Вино не то, что у поляковъ,
Король умѣетъ угощать,
Да есть обычай у казаковъ:
Налей еще, чтобъ не хромать!
Удивлены и Карлъ, и шведы,
Но чашу новую несутъ,
Надъ этой чашею побѣды
Отъ гостя страшнаго не ждутъ.
— Казакъ готовъ и пить, и къ бою,
Намъ пиръ иль схватка—все одно.
Онъ чашу взялъ одной рукою,
И показалъ сухое дно!
— Здоровы будьте, братцы шведы,
Еще за васъ я буду пить,
Желаю надъ врагомъ побѣды

И помогу вамъ побѣдить.
— Не такъ ли молвилъ я, громада,
Что въ пиръ, что въ бой, цѣна одна?...
Король, и хлопцамъ выпить надо!
И крикнулъ Карлъ:
— Подать вина!

Пируютъ шведы съ казаками,
Гуляютъ объ руку рука,
И обнимаются друзьями
Соединенныя войска.
Потомъ, потѣхи ради, игры
Пошли, потѣшились борьбой;
Въ пустынѣ такъ играютъ тигры,
Такъ львы играютъ межъ собой.
Выходитъ шведъ, высокъ и строенъ,
Толпой собратьевъ окруженъ,
На видъ онъ веселъ и спокоенъ,
И ждетъ борца съ улыбкой онъ.
То Гинтерфельдъ, что прозванъ Пушка,
Тѣлохранитель короля.
Коня поднять ему—игрушка,
Едва несетъ его земля.
Въ тѣлохранители недавно
Совсѣмъ случайно онъ попалъ,
Теперь же имя это славно,
И рѣдкій шведъ его не зналъ.
Разъ ночью Карлъ, одинъ, сурово,
Весь лагерь свой обозрѣвалъ
И у орудья часоваго

Случайно соннаго засталъ.
То Гинтерфельдъ былъ. Зная это,—
Что часовой не можетъ сѣсть,—
Въ испугѣ пушку снявъ съ лафета,
Онъ быстро ею отдалъ честь.
Остановился, озадаченъ,
Карлъ изумленный передъ нимъ,
И Гинтерфельдъ былъ имъ назначенъ
Тѣлохранителемъ своимъ,
И „Пушкой" прозванъ. И съ поры той
Не зналъ соперниковъ себѣ
Ни въ славной „Рѣчи Посполитой",
Ни между шведами въ борьбѣ.
И вотъ онъ всталъ предъ казаками
И вызовъ войску предложилъ,
Чтобы помѣрить съ удальцами
Избытокъ исполинскихъ силъ.
— А гдѣ Бугай! Послать Бугая!
Раздались крики.

Предъ толпой,

Борьбой потѣшиться желая,
Всталъ запорожецъ. Ростъ большой,
На плечахъ жилы, какъ канаты,
Кривыя ноги,—страшенъ видъ,—
И чубъ огромный и косматый
Почти на поясѣ лежитъ.
Взбѣсился какъ то быкъ въ станицѣ,
И началъ всѣхъ рогами бить,
Изъ казаковъ никто рѣшиться

Не могъ быка остановить.
А онъ—тогда то казаками
За то Бугаемъ прозванъ былъ—
Взялъ за рога быка руками,
Да и на землю уложилъ!
И вотъ сошлись герои эти
И крѣпко, крѣпко обнялись.
Ихъ руки, какъ стальныя сѣти,
Какъ корни дерева, сплелись.
То шагъ назадъ, то въ бокъ нагнутся,
То вдругъ подвинутся впередъ,
Устали оба, страшно бьются,
Никто побѣды не беретъ.
И смотритъ Карлъ, онъ вѣритъ въ шведа,
Улыбка на его устахъ.
И правъ король: теперь побѣда
У Гинтерфельда ужъ въ рукахъ.
Бугай случайно поскользнулся,
Его глаза покрылъ туманъ,
Моментъ.... другой.... перевернулся,
Упалъ казачій великанъ!
— Виватъ!—тутъ шведы закричали,
Кричатъ казаки:
— Ложный бой!!
И ятаганы засверкали
Надъ возмутившейся толпой.
И вынулъ саблю шведъ суровый....
Единый мигъ,—и кровь прольетъ.
Но голосъ прозвучалъ громовый,

И Гордіенко самъ идетъ.
— Прочь ятаганы! Аль не бились,
Аль мало крови и войны!
И руки мигомъ опустились,
И сабли спрятаны въ ножны.
— Здѣсь не война была, потѣха,—
Шутя играли межъ собой,
А вы, ребята, вмѣсто смѣха,
Всегда затѣять рады бой.
Ну, шведъ, давай со мною биться,
Самъ поборюсь на этотъ разъ,
И долженъ кто нибудь свалиться
И побѣжденнымъ быть изъ насъ!
Шведъ согласился. Крѣпко разомъ
Другъ друга руки оплели,
И не моргнули шведы глазомъ,
Какъ Гинтерфельдъ лежитъ въ пыли....

. . . .

Спокойно, тихими шагами,
Въ свою палатку Карлъ пошелъ,
Понявъ, съ какими удальцами
Его старикъ Мазепа свелъ.

ПОЭТЪ БРОДЯГА.

Не вамъ понять любовь поэта,
Любовь бродяги-удальца,
Ей мало ласки и привѣта,
Ей тѣсенъ кругъ большаго свѣта,
Ей нѣтъ ни мѣры, ни конца.
Воспитанъ онъ въ лѣсахъ дремучихъ,
Поэтомъ сталъ въ глуши степей,
Въ горахъ высокихъ, въ грозныхъ тучахъ
Порывы добылъ чувствъ могучихъ
И занялъ волю у морей.

ОСЕННІЯ ДУМЫ.

Гдѣ звучныя рифмы, гдѣ кованый стихъ,
  Которымъ блисталъ я когда-то,
Гдѣ счастья былого восторженный мигъ,
  Ужель все прошло безъ возврата?
Тоскливыя думы, какъ осени дни,
  Закутали солнышко мглою,
Да грозныя тучи—куда ни взгляни—
  Нависли однѣ надо мною,
Все кончено!.. Въ сердцѣ-жъ надежда жива,
  Не видно ея, а таится:
Настанетъ весна, и тепло и трава,
  И все-то опять оживится.
И мрачныя тучи разгонитъ весна,
  И солнышко ярко заблещетъ,
И на душу счастія хлынетъ волна,
  И сердце опять затрепещетъ!

НЕРАВНЫЙ БРАКЪ.

Солнце грѣетъ землю яркими лучами,
Весело щебечутъ птички надъ лугами,
Воздухъ ароматный дышетъ нѣгой страстной,
Въ этотъ день весенній, теплый и прекрасный,
Все располагаетъ къ страсти и желаньямъ,
Кажется, что даже мѣста нѣтъ страданьямъ..
Подъ лучемъ отраднымъ солнечнаго свѣта,
Сердце жаждетъ жизни, ласки и привѣта,
Дышется вольнѣе наболѣвшей груди—
Но и дни такіе отравляютъ люди,
Солнца лучъ отрадный въ тину погружая,
Сердце человѣка, душу продавая...
Въ свѣтлыхъ окнахъ храма солнышко играло,
Да лучи сквозь стёкла яркія бросало.
Предъ святымъ налоемъ, за большой толпою,
Тамъ стоитъ невѣста: чудной красотою,
Молодостью свѣжей отъ нея сіяетъ,
Только взглядъ печальный горе выражаетъ,
Полонъ онъ ужасной муки безъисходной,
Видно разставанье съ жизнію свободной,
Да покорность въ немъ судьбѣ неумолимой...
Вотъ женихъ съ ней рядомъ; дряхлый нелюбимый.
Посмотрите, какъ онъ на невѣсту смѣло,
Полнымъ сладострастья плотояднымъ взоромъ
Смотритъ, покупая молодое тѣло...
Что-жъ? Не назовутъ поступокъ твой позоромъ!
Тотъ, кто такъ покрытъ невѣжественнымъ мракомъ,

Назоветъ поступокъ твой *законнымъ* бракомъ;
Да и ей невѣстѣ, проданной за злато,
Подъ законнымъ флеромъ наглаго разврата,
Множество завистницъ межъ толпы найдется.
Скажутъ:—что-же старый? Слюбится-сживется,
А кого любила, такъ того забудетъ,
Да за то нужды во вѣкъ ужъ знать не будетъ!"
Зрители полны всѣ любопытствомъ празднымъ,
Смотрятъ, увлекаясь дѣломъ безобразнымъ,
Между тѣмъ священникъ безпристрастный, старый
Кольца ужь мѣняетъ у неровной пары.
А на волѣ солнце, яркими лучами
Свѣтитъ, да щебечутъ птички надъ лугами,
Воздухъ ароматный дышетъ нѣгой страстной,
Въ этотъ день весенній, истинно прекрасный,
Подъ лучемъ живящимъ солнечнаго свѣта
Сердце жаждетъ жизни, ласки и привѣта!

—

* *
*

Послѣ бурныхъ водопадовъ,
Мрачныхъ пропастей и горъ,
Снѣжныхъ высей,—даль родная
Мнѣ ласкаетъ нѣжно взоръ.
Предо мною боръ сосновый
Надъ рѣкой—гирлянды ивъ,
За убогой деревушкой
Золотыя волны нивъ.
Слышу я—скрипитъ телѣга,
Тянетъ стая журавлей,
Вижу пестрыя рубахи
Въ яркой зелени полей...
Улеглись души волненья
Здѣсь, въ странѣ моей родной,
Гдѣ повсюду тишь нѣмая
И недвижимый покой.

ПАЛѢЙ.

На снѣжныхъ берегахъ долины Енисея,
Въ пустынѣ мрака и снѣговъ,
Чернѣлася юрта забытая Палѣя—
Бойца удалыхъ казаковъ.
Здѣсь атаманъ давно живетъ въ изгнаньи
И вѣрный другъ, жена, томится съ нимъ,
Да раздѣляетъ атамановы страданья
Казакъ испытанный Охримъ.
Въ лихихъ набѣгахъ, жизни не жалѣя,
Въ пылу войны не разъ Охримъ бывалъ,
Не разъ онъ въ схваткахъ грознаго Палѣя
Своею грудью смѣло отстоялъ!
За атамана жизнь отдать готовый,
Охримъ его надеждой жилъ
И, на себя надѣвъ желѣзныя оковы,
На Енисей Палѣя проводилъ
И онъ достигъ своей тяжелой цѣли,
Дѣлитъ съ Палѣемъ грусть ужасныхъ дней
Подъ завыванія бурана и мятели,
Вдали отъ родины, далеко отъ людей.
Что жизнь его? Въ бояхъ лихая схватка,
Похмѣлья буйнаго и пьянаго туманъ.
И всей родни—родная ,,пани-матка",
Да одряхлѣвшій старый атаманъ.
Не тяжелы ему года далекаго изгнанья,
Ни подлаго суда нежданная гроза,
Но сердце мучили Палѣевы страданья,

Да пани-матки горькая слеза.
О старикахъ покинутыхъ жалѣя,
Казакъ удалый самъ душой страдалъ.
Онъ видѣлъ слезы стараго Палѣя—
Еще никто слезы Палѣя не видалъ!
Палѣй опять на берегу высокомъ,
Гдѣ бурный Енисей, волнуяся, шумитъ,
Въ своемъ плащѣ изношенномъ, широкомъ,
Какъ статуя недвижимо стоитъ.
Изъ подъ сѣдыхъ бровей его сверкаютъ очи,
На западъ устремилъ онъ утомленный взоръ
Въ тотъ край, гдѣ южныя такъ чудны ночи,
Гдѣ тундры нѣтъ, да нѣтъ и снѣжныхъ горъ.
Уже туманъ спустился надъ рѣкою,
И дымка темная на старый боръ легла,
А онъ съ поднятою, сѣдою головою,
Все въ даль глядитъ, недвижимъ, какъ скала...
А тамъ, за безконечными снѣгами,
По берегамъ широкаго Днѣпра,
Окружены зелеными садами
Его забытые, родные хутора...
Вотъ бѣлой церкви ярко крестъ сверкаетъ
На полуденномъ солнцѣ, словно жаръ,
А дальше казаковъ ватага налетаетъ
И гонитъ въ степь испуганныхъ татаръ....
Вотъ во главѣ удалыхъ гайдамаковъ
Онъ мчится самъ, за честь родной земли,
Бѣгутъ войска несмѣтныя поляковъ,
И сдался врагъ, поверженный въ пыли....

А вотъ и садъ на берегу залива....
Заливъ посеребрила яркая луна....
И въ воду смотрится, склонясь вѣтвями ива,
Гдѣ часто такъ ждала его она....
Она.... Надежда жизни, свѣтлой,—новой,
Въ чемъ счастье все соединилось для него
И нѣжно любящей Оксаны чернобровой
Нѣтъ въ мірѣ для него дороже ничего...
Нѣтъ глубже глазъ, и нѣтъ стройнѣе стана
Косы такой другой на свѣтѣ не сыскать...
За милый взглядъ, бунчукъ и званье атамана
И кстати голову свою готовъ отдать!....

*
* *

Нѣтъ, не забыть мнѣ этихъ строкъ,
Ихъ написалъ не для того я....
Да развѣ написать я могъ
Ихъ въ часъ душевнаго покоя?!
Писалъ я кровью сердца ихъ,
Души въ нихъ стоны выливались,
И думъ несбыточныхъ моихъ
Въ строкахъ тѣхъ призраки скрывались.
Писалъ и жаръ пылалъ въ крови,
Грудь разрывалась отъ страданій —
А сколько было въ нихъ любви,
Надеждъ разбитыхъ и желаній...
Все то, о чемъ давно мечталъ,
Все то, что жизнію разбито,
Въ строкахъ немногихъ я сказалъ,
А это будетъ-ли забыто?!

*
* *

Струны волшебныя, звуки веселые,
Лейтесь волною смѣлѣй,
Прочь отгоняйте вы горе тяжелое
Дайте мнѣ радостныхъ дней.
Быстро и сильно предъ нами проносится
Звуковъ волшебныхъ волна,
Въ душу и сердце усталое просится
И замираетъ она.
Замерли звуки. Печаль ихъ глубокая
Тихо замретъ, какъ порывъ вѣтерка...
Быстро промчится и жизнь одинокая
Такъ же, какъ звукъ коротка.

ДУМЫ.

Я вновь у всеношной.... Далекое былое
Пытаю воскресить опять передъ собой,
Чтобъ вѣры чувство чистое, святое,
Вновь овладѣло бы измученной душой.
Чтобъ то, чему тогда я поклонялся свято,
Во что я вѣровалъ, что искренно любилъ,
На что надѣялся я въ юности когда-то,
И въ этотъ разъ мнѣ разумъ воскресилъ.
Но тщетно все! Усталою рукою
Напрасно я творю широкіе кресты,
Смотря на образа.... Не встанутъ предо мною
Счастливой юности и вѣра и мечты....
И здѣсь подъ звуки этихъ пѣснопѣній,
Мнѣ дорогихъ въ былыя времена,
Опять кипитъ въ душѣ вулканъ сомнѣній,
И рана свѣжая опять растравлена.
  Вотъ юноша. Старушка у иконы,
  Вотъ нищая съ изорванной сумой....
  И вѣры полные кладутъ они поклоны,
  Съ надеждой крестятся усталою рукой.
А какъ бы я хотѣлъ, какъ и они молиться,
А какъ хотѣлъ бы вѣрующимъ быть
И съ чистою душой предъ образомъ склониться—
  Былую вѣру воскресить!...

ОСЕННІЙ ВѢТЕРЪ.

Послѣднія листья упали на землю,
И чутко я вѣтру осеннему внемлю
Въ туманные сѣрые дни.
И вѣтра осенняго грустные звуки
Въ душѣ не рождаютъ унынья и муки,-
Меня оживляютъ они.
За осенью встанетъ зима, а за нею
Съ воскресшею жизнью, съ красою своею
Придетъ золотая весна.
Разрушитъ рѣка ледяныя оковы,
Одѣнетъ въ зеленыя ризы дубровы
И жизни захлещетъ волна.
Такъ пусть же позлобствуетъ вѣтеръ холодный,
Какъ волкъ ненасытный, худой и голодный
Пускай онъ и мечетъ и рветъ.
Въ его заунывныхъ, надгробныхъ мотивахъ,
Я слышу, какъ шепчутъ колосья на нивахъ,
И слышу я птицъ перелетъ,
Шуршанье тростинки въ долинѣ прибрежной
И свистъ соловья заунывный и нѣжный,
И стаи звенящихъ гусей....
Я знаю—окончится осень глухая,
Зима пролетитъ, словно вѣдьма сѣдая,
Осыпется иней съ вѣтвей...
И вѣтеръ холодный, унылый и злобный
Забудетъ надолго напѣвъ свой надгробный,
Забудетъ онъ горестный стонъ,

И самъ, устыдясь своихъ пѣсенъ унылыхъ,
Что пѣлъ онъ на созданныхъ имъ же могилахъ,
Про лѣто споетъ тогда онъ...
Споетъ онъ, забывши зиму и ненастье,
Про дни золотые, надежды и счастье,
Про жизнь молодую споетъ...
Не бойтесь же, слушая вѣтеръ унылый,
Надѣйтесь: воспрянутъ могучія силы,—
Весная золотая придетъ!

---

*
* *

Замолкъ вулканъ и много лѣтъ
Онъ спитъ недвижимый, спокойный,
Давно огня былаго нѣтъ,
Похолодѣлъ и пепелъ знойный.
Прошла грозившая бѣда
И, на волнахъ остывшей лавы,
Желтѣютъ нивы, и стада
Отъ зноя прячутся въ дубравы...
Забыли люди и о томъ,
Что вдругъ опять вулканъ проснется,
Сверкнетъ таинственнымъ огнемъ
И грозной лавой разольется.

ЗАБЫТЫЙ.

Встаетъ былое предо мной
Картиной ясной и далекой,
А я томлюсь въ странѣ чужой,
Въ юртѣ забытой, одинокой....
Село я вижу. Вотъ поля
Желтѣютъ рожью золотою....
Я къ нимъ, но мерзлая земля
Корой покрыта ледяною....
Кружокъ былыхъ моихъ друзей
Проводитъ вечеръ въ жаркомъ спорѣ,—
А между нами ширь степей,
И снѣжное безбрежно море....
Я мчусь на родину мою
Воображеньемъ воспаленнымъ,
Я пѣсни родины пою
Въ краю забытомъ, отдаленномъ.
Но нѣтъ кругомъ души живой,
Никто не слышитъ пѣсню муки,
И мрутъ, и мрутъ въ степи глухой,
Безплодно пропадая, звуки.
Я звалъ, я плакалъ, я кричалъ
Забытый всѣми на чужбинѣ,—
Никто, никто не услыхалъ
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ.
Я пѣлъ,—мнѣ вторилъ волчій вой,
Я плакалъ—сосны вкругъ стонали,
Я звалъ, но скалы лишь порой
Уныло звуки повторяли....

---

*
* *

Тянутся дикія степи далеко,
Снѣгомъ покрыты равнины глубоко.

Степью дороги идетъ полоса,
Дальше, за нею чернѣютъ лѣса.

Сосны да ели, дубы вѣковые
Словно, какъ стражи стоятъ роковые,

Словно богатства страны берегутъ,
Ну и богатства несмѣтныя тутъ!

Бурныя рѣки, болотныя топи,
Все это чистаго золота копи,

Золото всюду—въ болотѣ, въ рѣкѣ,
И глубоко подъ землей въ рудникѣ.

Только богатства далеко зарыты,
Сверху землею и снѣгомъ покрыты....

Золота много,—но эта страна,
Хоть и богата, но все же бѣдна!...

Гдѣ же въ ней люди? Тунгусъ одинокій
Мчится на лыжахъ по тундрѣ широкой,

Иль самоѣдъ, да лопарь иногда
Гонятъ по степи оленей стада;

Лось пробѣжитъ, отъ волковъ убѣгая,
Птицъ перелетныхъ протянется стая,

Къ западу крадется смѣлый варнакъ,
Родину хочетъ увидѣть бѣднякъ.

Чаще всего по замерзнувшей степи
Звякаютъ мѣрно тяжелыя цѣпи,

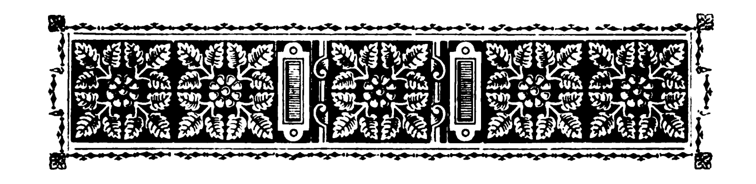
И подъ унылый, томительный звукъ
Полная горя, терзаній и мукъ,

Пѣсня поется про край отдаленный,
Западъ веселый и вѣчно зеленый,

Да про родные луга и поля....
Слезы пѣвцовъ принимаетъ земля.

Золото! въ землю, гдѣ ты пролежало,
Слезъ этихъ горькихъ упало не мало....

Блескъ свой ты, золото, взяло у нихъ,
У замерзающихъ слезъ дорогихъ....



СТЕПНЫЕ ОРЛЫ.

(отрывокъ изъ поэмы).

— Не знаю, вижу я тебя-ли,
Ты измѣнился, атаманъ....
На караваны налетали
Съ тобой ли мы въ ночной туманъ?
Тебя я помню: въ буркѣ черной,
Въ косматой шапкѣ, на конѣ,
Ты мчался смѣлый и проворный
По незнакомой сторонѣ.
И мчалась за тобой громада
Твоихъ удалыхъ молодцовъ....
Раздался окликъ:
— Стой, засада!
И всѣ заляжемъ тихо въ ровъ.
Рукою сильной и умѣлой
Кладешь ты на землю коня.
Мы тоже; знаемъ,—будетъ дѣло,
И ночь не будетъ безъ огня....
А какъ прекрасна степь глухая,

Какъ свѣтелъ неба ясный сводъ!
И тихо шайка удалая
Лежитъ во рву. Она замретъ,
Движенья нѣтъ, не слышенъ шопотъ,
Не звякнетъ гайка у ружья,
Къ землѣ приникли.... слышенъ топотъ....
— Молчи, больна мнѣ рѣчь твоя!
Прошу тебя, мой другъ, какъ брата,
Не надрывай мою ты грудь,
Того, что было тамъ когда-то,
Того ужъ больше не вернуть!
Мнѣ тяжелы воспоминанья
О тѣхъ давно забытыхъ дняхъ.
Не мало горя и страданья
Ты видишь у меня въ глазахъ.
— Да, измѣнился, другъ сердечный,
Тебя совсѣмъ нельзя узнать,
Тогда ты, смѣлый и безпечный,
Шелъ, какъ на праздникъ, умирать!
— И что жъ,—не умеръ!
— Слава Богу,
Не умеръ.... Эка въ томъ бѣда,
На эту дальнюю дорогу
Попасть успѣемъ мы всегда!
Тебѣ ли счастія на долю
Сторицей не дано судьбой,
Ты ль не любилъ святую волю,
Ты ль не любилъ кровавый бой.
Тебѣ ли все не удавалось,

Что только вздумать захотѣлъ,
Передъ тобою все смирялось,
Не зналъ желаніямъ предѣлъ!
Да! Повидать тебя я рвался
Не мало, цѣлые года,
А все идти къ тебѣ боялся....
— Я для былыхъ друзей всегда
Былъ одинаковъ....
Да, устроилъ
Я жизнь свою со всѣхъ сторонъ,
Свои богатства я утроилъ,
Почетомъ, лаской окруженъ.
Лишь имя старое забыто,
Да посѣдѣлъ уже давно,
Но все спокойствіе разбито
И не вернется вновь оно!
— Нѣтъ, жизнью ты живешь спокойной,
Не то, что прежде, атаманъ,
У насъ, въ пустынѣ:—вѣтеръ знойный,
Иль снѣжный жегъ тебя буранъ....
— Что вѣтеръ знойный, что бураны,
Осенней ночи дождь и мгла,
Въ степяхъ походы, да туманы....
Взгляни сюда!
Онъ на орла
Мнѣ указалъ.
Тяжелой цѣпью
Орелъ къ стѣнѣ прикованъ былъ.
— Тому лѣтъ двадцать, онъ надъ степью,

Гдѣ были мы съ тобой, парилъ.
Его поймали мнѣ. Съ поры той
Живетъ всегда орелъ со мной,
На золотой цѣпи, прибитой
Вотъ здѣсь, къ стѣнѣ. Пріятель мой,
Съ нимъ о быломъ воспоминая,
Сижу порой по цѣлымъ днямъ.
Меня онъ любитъ, и, ласкная,
Кормлю изъ рукъ его я самъ.
Онъ сытъ. Но только прошлой силы
Въ орлѣ не видно и слѣда,
На немъ лежитъ печаль могилы,
Видна въ глазахъ его бѣда.
Пустить опять его на волю
И въ степь,—стряхнетъ, пожалуй, сонъ,
Но проклянетъ свободы долю,
И, ослабѣвъ, погибнетъ онъ!
А здѣсь о волѣ все мечтаетъ
И рвется онъ къ окну порой,
А пустишь—снова прилетаетъ,
И снова плачетъ предо мной!
Его пустилъ-бы,—онъ свободенъ,
Я не хочу его тюрьмы,—
Но жить на волѣ онъ негоденъ,
А здѣсь.... А здѣсь—живемъ ли мы?!

ИЗЪ ДНЕВНИКА.

Я въ вагонѣ пишу. Съ каждой буквой письма
Поѣздъ дальше и дальше уноситъ,
А кругомъ все поля... Но просторъ, какъ тюрьма,
Скученъ сердцу. Чего оно проситъ?!
Пусть кругомъ зеленѣютъ поля да луга
Боръ зеленой вершиной киваетъ,
Серебрится вдали голубая рѣка,
Небо ясное взгляды ласкаетъ...
Все не то! Не замѣнитъ широкій просторъ
И поля, и рѣка голубая,
И шумящій вершиной таинственный боръ,
Не замѣнятъ тебя, дорогая...

ЗАБЫТЫЙ БОГЪ.

(думы въ музеѣ)

Забытый богъ. Онъ въ храмѣ новомъ
Другаго божества стоитъ;
Въ величьи грозномъ и суровомъ
Его безчувственный гранитъ
О дняхъ далекихъ говоритъ,
Когда и онъ, безгласный камень,
Въ сердцахъ народовъ зажигалъ
Глубокой вѣры, яркій пламень
Отъ золъ и бѣдствій охранялъ....
Когда стекалися толпами
Къ нему изъ отдаленныхъ странъ
И прахъ сбирали подъ ногами,
Какъ счастья вѣрный талисманъ.
А этотъ прахъ, что всѣ съ любовью
И вѣрой чистой берегли,
Пропитанъ былъ людскою кровью
До сокровенныхъ нѣдръ земли.
Людскія жертвы приносили
Здѣсь богу грозному порой,
Дивясь его могучей силѣ
И красотѣ его нѣмой.
А богъ тотъ, жалкій истуканъ,
Былъ глухъ и нѣмъ. Не видѣлъ славы
Своей божественной державы
И не видалъ, какъ кровь изъ ранъ
Лилась на жертвенникъ кровавый.

*
* *

Я на камнѣ посѣялъ пшеницу,
Ту пшеницу спалило до тла....
Приручить захотѣлъ я волчицу—
Въ лѣсъ дремучій волчица ушла.
Я тебѣ, простирая объятья,
Всю любовь безъ конца отдавалъ...
То мольбы, то порою проклятья,
Весь въ слезахъ я тебѣ посылалъ.
Въ униженіяхъ тратилъ я силы,
Чашу горестей выпилъ до дна
Что же новаго ждать мнѣ? Могилы?—
Но могила, какъ ты холодна!

ОДНА ИЗЪ МНОГИХЪ.

Вотъ жертва прихоти людской,
Еще игрушка сильныхъ міра,
Не знавшихъ истины святой,
Средь жизни праздной и пустой,
    Дѣльцовъ—поклонниковъ кумира,
И слугъ опошленныхъ страстей
    Едва прикрытаго разврата,
Что на закатѣ черныхъ дней
Готовыхъ къ прихоти своей
    Разбить, что молодо и свято.
Такъ виновата чѣмъ же ты,
Въ тебя кто можетъ бросить камень?
    Не ты вѣдь, ради суеты,
Свои разрушила мечты
    И охладила сердца пламень.
Въ душѣ и юной и живой
Едва лишь искорка затлѣлась,
Едва-едва передъ тобой,
Какъ въ небѣ зорька полосой,
    Надежда счастья заалѣлась,
Какъ вдругъ...
        И счастья лучъ пропалъ,
Все измѣнилось предъ тобою....
. . . .
Такъ подъ грозой не разъ умчалъ,
Въ пучину водъ, гремящій валъ
Былинку, сбитую грозою!

ЗАБЫТЫЙ.

(Изъ кавказскихъ мотивовъ).

На скалѣ я лежу. Подо мною
По каменьямъ струится рѣка,
Пали тучи свинцовой грядою,
Сердце гложетъ и душитъ тоска.
Гдѣ ни кинь утомленные взоры,
Всюду мракъ непроглядный одинъ:
Справа—небо заставили горы,
Слѣва—бѣлая дымка долинъ...
Справа—камень, а слѣва—туманы,
Низко тучи висятъ надо мной,
Да болятъ неостывшія раны,
Да все чудится стихнувшій бой...
А порою картины былыя
Предо мною мелькнутъ, какъ во снѣ,
Васъ увижу ли я, дорогія,
Побываю ль въ родной сторонѣ?..
Ноютъ раны, а сердцу больнѣе,
Нѣтъ дыханья, сжимается грудь.
Гдѣ ты, сонъ?.. Приходи поскорѣе,
Хоть на вѣкъ бы, да только уснуть!..
Тяжела тишина мнѣ нѣмая,
Только грустно поетъ подо мной
Рѣчка горная. Пой же, родная,
Колыбельную пѣсню мнѣ пой...

Убаюкай ты пѣсней своею,
Какъ баюкала дома меня,
Мать моя... Не увижусь я съ нею,
Не увижуся съ родиной я,
Здѣсь одна предо мной ты живая,
Все мертво въ этихъ скалахъ кругомъ,
Убаюкай меня, дорогая,
Пусть усну непробуднымъ я сномъ...

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Пройдутъ года... Откроешь ты
Тетрадь случайно предъ собою
И пусть, кипучею волною,
Воскреснутъ съ прелестью былою
Далекой юности мечты!

ВЪ ОКЕАНѢ.

Девятый день нѣтъ береговъ,
Одна лишь даль видна,
Да сквозь просвѣты облаковъ
Глядитъ порой луна.
Шумитъ въ трубѣ кипящій паръ,
Валитъ отъ нефти дымъ,
Въ ночь—холодъ, въ полдень—страшный жаръ,
Не дышется подъ нимъ;
Глядишь впередъ—туманна даль,
Но весело въ груди,
Ничуть мнѣ прошлаго не жаль,
Не страшно впереди....
Я воленъ здѣсь! Я здѣсь борюсь,
Открыто биться радъ,
Я здѣсь, какъ прежде, не боюсь,
Ни козней, не засадъ!
Вотъ налетѣлъ сердитый валъ,
Водою окатилъ,
Люблю тебя могучій шквалъ,—
Избытокъ дикихъ силъ!...
Могучій валъ въ лицо мнѣ бьетъ,
И рѣжь его скорѣй,
Отваги полный, мчась впередъ....
Впередъ, впередъ смѣлѣй!...
Впередъ по плещущимъ волнамъ,

Впередъ во мракѣ бурь....
О море, ты не страшно намъ,
Чело свое не хмурь!
Твоихъ пучинъ я не боюсь,
Пустое—громы мнѣ:
Я ни громамъ не покорюсь,
Ни бурѣ, ни волнѣ.
И, если стану умирать,
Ослабнувъ отъ борьбы, -
Имъ не придется услыхать
Ни просьбы, ни мольбы....
На волѣ смѣло дышетъ грудь
Отвагою полна....
Впередъ, впередъ—въ опасный путь,
Хлещи въ лицо волна.

КАМЕННЫЙ ГОРОДЪ.

Камень стучитъ подъ ногою,
Каменныхъ зданій громады
Высятся вкругъ предо мною,
Сердце томится тоскою,
Взглядъ не находитъ отрады.

Душу любовь позабыла,
Гаснетъ божественный пламень,
Сердце изныло, застыло,
Гибнетъ могучая сила,
Все притупилось о камень.

Вѣрю несчастной я долѣ,
Сгубятъ меня эти камни!
Годикъ побыть бы на волѣ,
Годикъ вздохнуть въ чистомъ полѣ,
Жизнь тамъ была бы легка мнѣ.

Но суждено, знать, судьбою,
Вольной не вѣдать отрады....
Камень стучитъ подъ ногою,
Высятся вкругъ предъ мною
Каменныхъ зданій громады.

ОДНА ИЗЪ МНОГИХЪ.

Зачѣмъ, не зная жизни я,
Минуты счастья не ловила,
Зачѣмъ людей я не цѣнила,—
Промчалась молодость моя,
Безъ наслажденій, безъ страданій,
Какъ бы осенній, сѣрый день....

Хоть бы въ душѣ мелькнула тѣнь
Какихъ нибудь воспоминаній.
Ничѣмъ не вспомню юность я,
Какъ будто вовсе не родилась
И сердце будто бы не билось,
И не дышала грудь моя.

---

* *
*

Лучъ ли заронитъ къ намъ солнышко ясное, —
Быстро въ туманѣ тотъ лучъ охлаждается,
Онъ не осушитъ болото опасное,
Онъ безполезно во мракѣ теряется.
Вѣтеръ ли теплый отъ юга свободнаго
Дунетъ, неся на поля оживленіе,
Мы ощущаемъ лишь вѣтра холоднаго
Кровь леденящее въ насъ дуновеніе.
Такъ и шагаешь чрезъ топь невылазную,
Мыкая горькую долю тяжелую
И погрузишься въ пучину ту грязную,
Стономъ закончивши пѣсню веселую!

ОПЯТЬ НА РОДИНѢ.

Опять, опять я здѣсь, среди родныхъ полей,
Забылъ страданія, усталость и невзгоды,
И снова встали въ памяти моей
Былаго счастія младенческіе годы...
Вотъ садъ старинный, гдѣ ребенкомъ я игралъ;
Какъ страшны были мнѣ тѣнистыя аллеи
И этотъ мохомъ весь покрытый древній валъ,
Гдѣ, помню я, на солнцѣ грѣлись змѣи...
А за высокимъ валомъ, чистою струей
Катилась рѣчка подъ вѣтвями ивы,
За рѣчкой быстрою, съ лазурью голубой,
Горя огнемъ, сливались золотыя нивы...
А тутъ была видна деревня за рѣкой...
Соломой крытыя, разрушенныя хаты
Всегда тревожили души моей покой...
А вотъ и барскій домъ нашъ, старый и богатый;
Я помню въ немъ давались вечера,
Блестѣли ярко залы свѣтлыми огнями...
Такъ ясно помню я, какъ будто бы вчера
Все это было...
Словно нѣсколькими днями,
А не годами отдѣленъ отъ прошлыхъ дней,
Тѣхъ дней, когда не зналъ я горя и невзгоды,
И снова встали въ памяти моей
Былаго счастія младенческіе годы.

ИЗЪ АЛЬБОМА ЮЖАНКИ.

Блескъ неба родины моей
Въ твоихъ глазахъ я вижу снова.
Пускай трещитъ морозъ сильнѣй,
Пусть вѣтеръ злобно и сурово
Рветъ вѣтви мерзлыя березъ,
Но посмотрю лишь на тебя я,
И предо мной, какъ царство грезъ,
Воскреснетъ молодость святая,
Вся юность бурная моя,
Ея надежды и мечтанья,
И снова молодъ сердцемъ я,
Какъ прежде, въ свѣтлый мигъ свиданья.
И часто такъ въ твои глаза я
Смотрю безмолвно, самъ не свой;
Въ нихъ югъ,—страна моя родная,
Въ нихъ счастья лучъ, блаженство рая,
Въ нихъ грезы юности святой!

ВЪ ГОРАХЪ.

Ночь темна, а темнѣй подо мною
Пропасть грозная мрака полна,
Съ дикимъ звѣремъ,—гремящей рѣкою,—
Эта бурная пропасть страшна.
Въ ней стучатъ и грохочутъ каменья,
Подъ могучею, бурной волной,
А подъ шумъ тотъ, какъ мигъ сновидѣнья,
Рядъ картинъ промелькнулъ предо мной.
Все, что въ юности читано было,
Что твердили порой старики,
Все то въ памяти ясно такъ всплыло,
Встало живо подъ говоръ рѣки.
Межъ утесовъ,—штыки и шинели,
Клики горцевъ—за волю бойцовъ.
Грохотъ ружей въ отчаянномъ дѣлѣ,
Что ни выстрѣлъ,— то смерть удальцовъ!..
И бѣжитъ за картиной картина,
Бурно мчится волна за волной,
Подо мной все чернѣе пучина,
Низко тучи сошлись надо мной...
Вѣтеръ пѣсню поетъ по ущелью,
Вторитъ буйному вѣтру волна,
Ни любви въ пѣснѣ нѣтъ, ни веселья,
Горя-горькаго пѣсня полна...
Слышу я: пало все подъ булатомъ,

Сгибла воля со смертью бойцовъ,
Передъ ложнымъ почетомъ да златомъ.
Пала доблесть лихихъ удальцовъ.
Тѣхъ, что славно дрались за отчизну
Позабылъ суетливый народъ...
Имъ рѣка правитъ горькую тризну,
„Память вѣчную“ вѣтеръ поетъ...
Пропоетъ про былое ихъ счастье
Въ темной пропасти этой рѣка,
Коль порою въ грозу и ненастье
Разбушуется грозно дика...
Про несчастную горькую долю
Съ бурей пѣсню она пропоетъ,
Тотъ, кто любитъ несчастныхъ, да волю,
Только тотъ эту пѣсню пойметъ.
Кто не знался съ неправдой людскою,
Кто за деньги себя не продастъ,—
Тотъ поплачетъ съ бурливой рѣкою,
Честь погибшимъ за волю отдастъ.

---

* *
*

Забыты рѣчи пылкія мои,
Забыты пѣсни, что въ душѣ твоей звучали,
То стонами страданья и печали,
То гимнами восторженной любви.

Забыто все тобой.... И что же—ты права:
Вѣдь чувства прочнаго на свѣтѣ не бываетъ....
Забыла ты.... Такъ воздухъ забываетъ
Въ немъ прозвучавшія слова.

ПАМЯТИ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.

Предъ нами свѣжая могила...
Иль такъ природой суждено,
Чтобъ все—талантъ, надежда, сила,
Все было въ ней погребено?..
Нѣтъ, нѣтъ... Не все! Лишь только тѣло,
Лишь тлѣнный прахъ отъ насъ уйдетъ,
Но мы, друзья, мы вѣримъ смѣло,
Душа въ твореньяхъ не умретъ!..
Ты насъ училъ впередъ стремиться;
Мракъ ненавидѣть, вѣрить въ свѣтъ,
Училъ страдать и съ тьмою биться,
Училъ весь міръ любить поэтъ!
И не умрутъ твои творенья,
Живая заповѣдь твоя:—
„Впередъ! безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!“

———

* * *

Желтыя степи, лучами спаленныя,
Отжили быстро вы степи безплодныя....
Очи, огнями страстей утомленныя,
Очи безстрастныя, очи холодныя!...
Гдѣ ваши жгучіе взгляды удалые?
Гдѣ вы равнины, степныя, зеленыя?...
Очи потухшія, очи усталыя—
Степи безплодныя, солнцемъ спаленныя.

---

*
* *

Далекой юности былыя впечатлѣнья
Въ туманѣ будто-бы мелькаютъ предо мной,
И радость новая, и новыя мученья
Вновь завладѣли сердцемъ и душой.
Гдѣ боги тѣ, кому молился прежде
И за кого готовъ былъ жизнь отдать,
И въ вѣрности клялся, и въ полной былъ надеждѣ
Въ нихъ вѣчно вѣровать, ихъ вѣкъ не покидать?!
Но шли года и новыхъ увлеченій
Въ моей душѣ бѣжалъ за роемъ рой,
Погибло прошлое подъ тяжестью сомнѣній
И чувства новыя катилися волной.
Давно ужъ идеалы старые забыты,
Исчезли увлеченья юныхъ дней,
Кумиры сердцу милые разбиты
И чувства новыя кипятъ въ душѣ моей.
Вотъ старая тетрадь лежитъ передо мною,
Какъ памятникъ давно прошедшихъ лѣтъ,
Но то, къ чему когда то рвался я душою,
Теперь не дорого, и прелести въ немъ нѣтъ....

КУЗЬМА ОРЕЛЪ.

— „Да, пріятель, было время
Жили вѣдь и мы,
Не носили за плечами,
Какъ теперь, сумы!...“
Говоритъ въ питейномъ нищій—
Великанъ сѣдой.
— Какъ же бѣдность приключилась,
Дѣдушка съ тобой?
— „Какъ? Долга моя, братъ, сказка,
Словно поле ржи,
Что желтѣетъ за окошкомъ“....
— Дѣдко, разскажи!
— „Разсказать?
Да на лохмотья
Эдакъ не гляди,
Самъ не знаешь что случится
Дальше, впереди....
Я не хуже этой чуйку,
Милый мой, носилъ,
Какъ годовъ поменьше было,
Да побольше силъ!
На седьмой десятокъ пятый
Мнѣ идетъ теперь!
Молодчага былъ я прежде,
Не мужикъ,—а звѣрь

Красныхъ дѣвокъ на гулянкѣ
Кто развеселитъ?
Кто въ бою кулачномъ крѣпче
За своихъ стоитъ?
По веснѣ кто ледъ на Волгѣ
Первый перешелъ?
Кто на ножъ полѣзетъ смѣло?
Кто?—Кузьма Орелъ!...
Былъ мужикъ я! За ухватку
Прозвали Орломъ,
И въ острогѣ записали
Такъ меня потомъ!
— Какъ въ острогѣ? Ты отколя?
Здѣшній али нѣтъ?
— „Издалеча, милый, съ Волги,
Отвѣчаетъ дѣдъ.
— „Съ Волги-матушки широкой,
Съ самыхъ Жигулей....
— Погоди-ка-сь; эй, еще намъ
Водочки налей!
Цѣловальница красотка
Налила сама....
— На-ко пей, во славу Божью,
Дѣдушка Кузьма....
— „Со свиданьемъ! Эка водка,
Такъ и жжетъ огнемъ....
Славно! Слушай, говорилъ-то
Я тебѣ о чемъ?
Да! Въ деревнѣ Жигулихѣ

Я родился.... Тамъ
Росъ гуляючи по Волгѣ,
Да по Жигулямъ....
И мѣста у насъ! Ей-Богу,
Не мѣста—краса:
Жигули съ дремучимъ лѣсомъ
Лѣзутъ въ небеса!
Ни души тамъ! Въ поднебесьи,
На вершинѣ скалъ,
Царь—орелъ гнѣздо свиваетъ,
Тамъ и я бывалъ!
Заберешься на вершину,—
Все передъ тобой!
Волга яркая сверкаетъ
Лентой голубой....
А за Волгой желтой шапкой
И Царевъ курганъ,
Словно видѣнъ на ладони...
Разинъ атаманъ,
Подъ курганомъ съ удальцами,
Грабилъ въ старину....
Кто сдавался—не обидѣлъ,
Нѣтъ—пускалъ ко дну!....
Да и мы въ былое время
Дѣлали дѣла....
Волга-матка эту тайну
Въ море унесла!
Отъ Усы—рѣки бывало
Сядемъ на стругà,

Гаркнемъ пѣсню—подпѣваютъ
Сами берега....
Свирѣпѣетъ Волга-матка,
Словно ночь черна,
Подпимается горою
За волной волна.
Черезъ бортъ водой холодной
Плещутъ бѣляки,
Вѣтеръ свищетъ, Волга стонетъ,
Буря намъ съ руки!
Подлетимъ къ росшивѣ:
— Смирно!
Якорь становой!
Шишка, стой! Сарынь на кичку!
Бéчеву долой,
Не сдадутся—дѣло плохо,
Значитъ извини!
И засвищутъ шибче бури
Наши кистени!....
Дай-ка водки....
Было время
Почудили мы,
Не носили за плечами
Какъ теперь сумы!

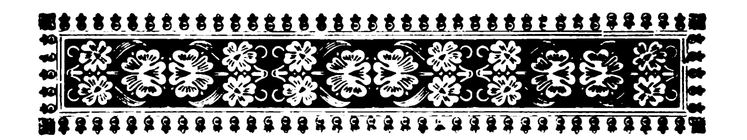
ОСЕННІЯ ПРИМѢТЫ.

Желтѣютъ листья. Лугъ цвѣтущій
Давно завялъ и пожелтѣлъ,
Туманъ сырой, спускаясь гуще,
Лѣса раздѣтые одѣлъ.
Холодный иней, раннимъ утромъ
Траву покроетъ бѣлизной,
И блещетъ яркимъ перламутромъ
На рѣчкѣ льда стеклянный слой.
А выше, въ синемъ небѣ, стая
Свободныхъ птицъ, стремясь на югъ,
Несется, быстро покидая
Суровый край снѣговъ и вьюгъ.

*
* *

Въ юность, бывало, на Волгѣ широкой,
Страстно любилъ я ночной ураганъ....
Молніи блещутъ.... Я къ дали широкой
Смѣло летѣлъ въ непроглядный туманъ.
Тучи вверху, а внизу, среди мглы
Бѣлыми шапками блещутъ валы,
Непогодь стонетъ, да свистъ раздается,
Лодка по гребнямъ высокимъ несется
Сквозь непогоду, въ туманную даль....
Смерть предо мною—и жизни не жаль!
Помнится: ядра и пули свистали,
Сыпалъ свинецъ непрерывнымъ дождемъ,
Крови потоки, дымяся, журчали,
Дымъ непроглядный висѣлъ надъ полкомъ.
А передъ нами твердыня была....
Жизнь не одна молодая легла,
Тамъ отъ свинца, отъ губительной стали,
Силы могучія доблестно пали....
Я же смѣялся подъ смертнымъ огнемъ,
Съ жизнью прощался—и смерть нипочемъ!
Ну, а теперь, исхудалый, голодный,
Съ взоромъ потухшимъ, усталый, больной,
Трудъ свой окончивши тяжкій, безплодный,
Я утомленъ непосильной борьбой....
Вижу, что ждетъ роковая нужда,

Бой неудачный, да горе-бѣда,
Вижу, что всѣ и мечты то убиты,
Что всѣ бойцы посмѣлѣе разбиты,
Да что и мнѣ головы не сносить,
Смерть предъ глазами и хочется жить!



ПРОМЕТЕЙ.

Надъ кавказскою скалою
Цѣпь желѣзная бренчитъ
И высоко надъ землею
Стая коршуновъ кричитъ...
　　И, кружася и играя
　　Въ облакахъ, въ туманной мглѣ
　　Птицъ прожорливая стая
　　Опускается къ скалѣ.
На скалѣ высокой, сѣрой,
Человѣкъ лежалъ въ цѣпяхъ,
Взоръ горѣлъ любовью, вѣрой,
Онъ не вѣдалъ, что есть страхъ....
　　Ближе коршуны летѣли
　　Сквозь туманные пары,
　　А глаза его блестѣли,
　　Видя яркіе костры
Подъ собой, на днѣ долины,
Гдѣ огонь сверкалъ сквозь дымъ
И мѣнялися картины
Передъ взоромъ огневымъ.
　　Пусть слеталась для обѣда

Стая коршуновъ къ нему,
А въ глазахъ его побѣда
Яркій лучъ бросала въ тьму.
Опустились, окружили,
Стали тѣло рвать въ куски,
Но, покорный грозной силѣ,
Онъ не могъ поднять руки....
Кровь изъ ранъ лилась ручьями,
Онѣмѣлъ языкъ для словъ,
А внизу передъ глазами
Все сверкалъ огонь костровъ.
И, отъ боли цѣпенѣя,
Громко страждущій вскричалъ:
— Что-жъ, терзайте Прометея,
А огонь я все же далъ...
Подлетайте, клюйте смѣло,—
Вкусный завтракъ Прометей...
Но свое я сдѣлалъ дѣло,—
Далъ огонь я для людей....
И огонь на многи лѣта
Достояньемъ сталъ земли,
Зевсъ могучій, бойся свѣта
И прощенія моли....
Я въ цѣпяхъ, я крѣпко связанъ,
Слуги рвутъ твои меня...
Пусть же рвутъ! мнѣ міръ обязанъ
За тепло, за свѣтъ огня.
О, Зевесъ!... Но нѣтъ, смѣлѣе!
Будь въ страданіяхъ великъ,

Коршунъ, на! У Прометея
Коршунъ выклюнулъ языкъ.
  Прометей не обратится
  Къ Зевсу болѣе съ мольбой...
  Видитъ онъ, подъ нимъ клубится,
  Дымъ широкой полосой...
И живутъ въ довольствѣ люди,
Ими счастливъ Прометей...
Сердце только бы изъ груди
Коршунъ вырвалъ поскорѣй!...

ИЗЪ ДОНСКИХЪ МОТИВОВЪ.

Донъ могучій, Донъ глубокій
  Темно-синею волной
По степи бѣжитъ широкой,
  Блещетъ яркою струей.
И, журча, катятся воды,
  Да валы о берегъ бьютъ
И о дняхъ былой свободы
  Пѣсни смѣлыя поютъ.
Все поютъ,—о буйной волѣ,
  О наѣздахъ казаковъ,
О пирахъ, о тяжкой долѣ,
  О бряцаніи оковъ...
Все поютъ... И пѣсню эту
  Кто душой своей пойметъ,
Пусть, какъ буйный Донъ, поетъ,
  Пусть несетъ ее по свѣту.

НА СѢВЕРѢ.

Родныя картины опять предо мною,
Кустарники, нивы, луга,
И густо покрытые сочной травою
Широкой рѣки берега...
Доносится запахъ отъ рощи смолистой,
Лечу средь зеленыхъ полей,
И жадно вдыхаю тотъ воздухъ я чистый,
Мнѣ сѣверъ сегодня милѣй!..
Вотъ пѣсня несется съ несжатаго поля,
Звуча вдалекѣ, какъ струна...
Въ ней слышны разгулье, и удаль, и воля,
И горя та пѣсня полна.

*
* *

Снова встала предо мною
    Юность бурная моя,
Утомленною душою
    Обновился снова я...
Въ чемъ надежды, счастье было,
    На разсвѣтѣ юныхъ дней,
Средь хаоса мыслей всплыло
    Ярко въ памяти моей.
И опять увидѣлъ все я,
    Что давно забыто мной,
Въ часъ унылаго покоя
    Или въ битвѣ роковой.

---

*
* *

Вѣтеръ гудетъ по вершинамъ,
Вопли да стоны несутся,
Грозно бѣлѣя на морѣ
Волны кипучія бьются.
Помню я въ бурю такую
Ночь мы въ лѣсу скоротали,
Вѣтеръ гудѣлъ по вершинамъ,
Волны о берегъ хлестали...
Грозная ночь пролетѣла,
Солнце взошло золотое...
Съ тѣхъ поръ не вѣдаю счастья,
Съ тѣхъ поръ не знаю покоя!

НА СѢВЕРѢ.

Снѣгомъ глубокимъ поляна покрытая
Словно какъ скатерть бѣла,
Лѣсъ отдаленный одѣла, какъ дымкою
Синей, туманная мгла.
Тучами сѣрыми небо подернулось,
Низко висятъ облака,
Скована льдомъ, какъ оковами крѣпкими,
Снѣгомъ покрылась рѣка.
Пусто кругомъ. Деревенька унылая
Развѣ порою мелькнетъ;
Дальше широкая и безконечная
Таже пустыня идетъ.
Снѣгомъ покрытая, эта безлюдная
Дикая тундра страшна;
Смертью холодною, смертью голодною,
Путнику вѣетъ она!

РЕБЕНКУ.

Ребенокъ ты. Мои стихотворенья
Порою все же любишь ты,
Но не поймешь души волненья,
Далекой юности разбитыя мечты.
Въ стихахъ ты любишь стройный рядъ созвучій,—
Ласкаютъ слухъ младенческій они.
Пройдутъ года. Порывовъ страсти жгучей,
Избытка силъ тогда наступятъ дни.
Чужое горе пылкою душою
Ты близко къ сердцу будешь принимать,
Увидишь ты, что все берется съ бою:
Сама судьба не можетъ счастья дать...
И вотъ тогда не стройный рядъ созвучій,
А всѣ страданія души моей больной,
Тебѣ на сердце хлынутъ грозной тучей,
Нарушатъ твой покой.

НА СТЕПНЫХЪ МОГИЛАХЪ.

(Памяти запорожцевъ).

На Украйнѣ я былъ,
По Днѣпру погулялъ,
На курганѣ ковыль
Я на память сорвалъ.
На могилѣ онъ росъ,
Гдѣ, былою порой,
Кровь казачья лилась
За свободу рѣкой.
Гдѣ, какъ бури потокъ,
По равнинамъ полей
Съ удальцами неслись
Сагайдачный, Палѣй,
Гдѣ въ озерахъ тростникъ
Поднялся, словно лѣсъ,
Гдѣ яснѣй, чѣмъ у насъ
Голубой сводъ небесъ,
Гдѣ живой полосой,
По прибрежью Днѣпра,
Межъ вишневыхъ садовъ
Хороши хутора,
Гдѣ въ невѣрныхъ крови
Обагрялся нашъ мечъ,

Гдѣ окрѣпла, взросла
Запорожская сѣчь....

Со всѣхъ концовъ страны великой
Туда стекались удальцы,
Сыны Россіи полудикой,
За волю-матушку бойцы.
Кто былъ порядкомъ недоволенъ,
Кто въ жизни радости не зналъ,
Судьбой злодѣйкой обездоленъ—
На сѣчь привольную бѣжалъ.
Среди ликующей природы
Пришлецъ былъ принятъ здѣсь, какъ свой,—
Во имя правды и свободы,
И буйной воли удалой.
Вчерашній воръ, и князь опальный,
Разбоя дикаго сыны,
Монахъ—бѣглецъ, старикъ печальный,
Холопъ, бояринъ—всѣ равны....
Здѣсь только смѣлости заслуги
Спасти и выручить могли....
Здѣсь князь и рабъ, въ бояхъ, какъ други
За землю русскую легли....

Честь вамъ, погибшіе со славой!
Честь вамъ, герои прошлыхъ дней,
Шлю надъ могилою кровавой
Привѣтъ отъ родины моей!

---

* *
*

Волшебнымъ, блестящимъ видѣньемъ
Явилась она предо мной,
Наполнила сердце сомнѣньемъ,
Наполнила душу тоской.
Но долго-ль видѣнье: это
Не будетъ покоя давать?
Вѣдь сердце мое не согрѣто,
Любви не дождется опять.
Такъ, въ позднюю осень, туманы
Лучъ солнца прорѣжетъ порой,
Освѣтитъ лѣса и поляны,
И снова все скроется мглой.

* *
*

Мнѣ надоѣлъ столичный шумъ,
Отъ суеты усталъ давно я,
И жадно требуетъ покоя,
Душа, томясь отъ тяжкихъ думъ.

И мнится мнѣ: степная гладь,
Морская ширь, да лѣсъ дремучій,
Одни лишь въ силахъ эти тучи
Думъ необъятныхъ разогнать.

Но если снова, въ тишинѣ,
Я тамъ могу отдаться думамъ,—
Все-жъ не прочтутъ въ лицѣ угрюмомъ
Тѣхъ думъ, что дороги такъ мнѣ.

*
* *

Все-то мнѣ грезится Волга широкая,
Грозно-спокойная, грозно-бурливая,
Грезится мнѣ та сторонка далекая,
Гдѣ протекла моя юность счастливая.
Помнятся мнѣ на утесѣ обрывистомъ
Дубы высокіе, дубы старинные,
Стонутъ они, когда вѣтромъ порывистымъ
Гнутся, ломаются вѣтви ихъ длинныя.
Воетъ погодушка, роща колышется,
Стонутъ сильнѣе все дубы громадные,—
Горе тяжелое въ стонѣ томъ слышится,
Слышатся грусть да тоска безотрадная....
Что же вы плачете, дубы старинные?
Или свидѣтели вы преступленія,
Кровь пролита-ли подъ вами невинная,
И до сихъ поръ васъ тревожатъ видѣнія.
Или, быть можетъ, въ то времячко давнее,
Въ стругахъ когда еще съ Дона далекаго,
Разина Стеньки товарищи славные
Волгой владѣли до моря широкаго,—
Ими убиты богатые данники,
Гости заморскіе, съ золотомъ грабленнымъ;
Или, быть можетъ, и сами изгнанники,
Здѣсь, съ атаманомъ, молвою прославленнымъ,
Съ удалью буйныя головы сложили,
Съ громкой, кровавой, разбойничьей славою?!
Все то вы видѣли, все то вы прожили,—
Видѣли рабство и волю кровавую!

---

* *
*

На югъ я не стремлюсь усталою душою,
Вѣдь очи юга здѣсь,—на сѣверѣ блестятъ,
И степи южныя зеленой пеленою
Широкихъ думъ моихъ, какъ прежде, не манятъ.
И солнце яркое, и голубыя ночи,
И степь душистая—все это чуждо мнѣ:
Вѣдь юга чуднаго плѣнительныя очи
Замѣнятъ нѣжный югъ въ суровой сторонѣ!

НОЧЬ И УТРО.

I.

Безмолвно въ воздухѣ. И чуткій листъ осины,
И травка гибкая—безжизненны стоятъ...
Рисуетъ тѣнь луны волшебныя картины,
И ярко въ небѣ звѣздочки горятъ.
Все будто вымерло. Луны живыя тѣни
Лишь только движутся волшебной полосой;
Дорожку желтую скрываетъ кустъ сирени,
И тѣнь ползетъ все шире предо мной.
Міръ крѣпко спитъ. Одинъ мертвецъ блестящій—
Луна,—да я, не въ силахъ только спать.
Она—мертва; во мнѣ вулканъ кипящій
Сильнѣе все, ужаснѣй сталъ пылать...
Горитъ мой мозгъ, сердито сердце бьется,
И кровь бурлитъ рокочущей волной...
А мертвый свѣтъ луны такъ ровно, нѣжно льется...
Ни травка, ни листокъ кругомъ не шелохнется,
Царитъ недвижимый покой.

II.

Ужъ нѣтъ луны и вѣтерокъ съ востока
Бѣжитъ по листьямъ шумною волной,
И шепчетъ старый дубъ, стоящій одиноко,
И тихо стонетъ боръ, качая головой.

Шуршитъ тростникъ, метелками играя,
Осина листьями испуганно дрожитъ,
Промчалась въ воздухѣ гусей крикливыхъ стая,
И зорька небеса румянцемъ золотитъ....
Природа ожила....
Измученный, разбитый,
Всю ночь боровшійся при мертвой тишинѣ,
Сижу я, розовымъ разсвѣтомъ весь облитый,
Блѣднѣе и слабѣй, чѣмъ ночью при лунѣ.
Борьба окончилась въ душѣ моей мятежной...
Я, побѣжденный, палъ измученный, безъ силъ....
А солнца яркій лучъ зарею кроткой, нѣжной
Шумящій боръ позолотилъ.

ВѢСТНИКИ ВЕСНЫ.

(посвящаю дочкѣ надѣ).

Веселой, раннею, весною,
Когда потоки зашумятъ,—
Надъ пробужденною землею,
Чернѣя въ небѣ полосою,
Малютки ласточки летятъ.
Надъ бурнымъ моремъ, надъ лугами,
Надъ дикой, каменной скалой,
Надъ обнаженными лѣсами,
Звеня блестящими крылами,
Несется ихъ веселый рой....
Зазеленѣетъ лѣсъ и крики
Услышу ваши я надъ нимъ....
Скорѣй кончайте путь великій,
И оглашайте сѣверъ дикій
Веселымъ щебетомъ своимъ!

---

* *
*

Кой гдѣ полоской золотой
Заря вечерняя мелькаетъ
И въ черныхъ тучахъ исчезаетъ,
Боряся тщетно съ темнотой.

Такъ въ нашей жизни правды лучъ
Мелькнетъ на краткое мгновенье,
И въ лживой тьмѣ житейскихъ тучъ
Онъ исчезаетъ, какъ видѣнье.

---

* *
*

Тепло такъ въ комнатѣ уютной
Предъ оживляющимъ огнемъ,
А ночь глухая за окномъ....
И помню я, какъ безпріютный
Такою ночью я бродилъ
Межъ оконъ, блещущихъ огнями,
И за заставу уходилъ,
И засыпалъ между кустами...
И снился мнѣ покой уютный,
Блестящихъ оконъ свѣтлый рядъ,
Но просыпаясь, безпріютный,
Я только слышалъ, какъ шумятъ
Надъ головою вѣтви ивы,
Да желтый листъ подъ головой,
Да городъ, стройный и красивый,
Гудитъ вдали, какъ волнъ прибой.

ПОКЛОНЪ ДОНУ.

Путь счастливый! Отвези ты
Дону тихому поклонъ,
И скажи, что не забыты
Мной ни степь, ни вольный Донъ.
Не забыта въ дни невзгоды,
Вдалекѣ родныхъ земель,
Эта родина свободы
И героевъ колыбель.
Обновись душой усталой,
Степи воздухомъ вздохни
И скажи: боецъ удалый
Коротаетъ мирно дни,
Въ суетѣ столицы скучной,
Мелочной заботы полнъ,
Гдѣ не слышно пѣсни звучной,
Гдѣ не слышно плеска волнъ,
Гдѣ болитъ душа отъ стона
Обездоленныхъ людей,
Не видавшихъ воли Дона,
И не знающихъ степей.

---

*
* *

Ночь непроглядная, ночь безразсвѣтная...
Скоро ли солнце взойдетъ?
Доля тяжелая, жизнь непривѣтная...
Скоро ли счастье придетъ?
Тянется долгая ночь безконечная,
Все покрывается мглой,
Юность стрѣлой пролетѣла безпечная,
Виденъ и волосъ сѣдой.
Солнце блеснуло и утро веселое
Темный разсѣяло мракъ....
Только тебя, моя доля тяжелая,
Знать не отгонишь никакъ!

НА РОДИНѢ.

Шумятъ и плачутъ тростники,
Садится солнце за горою,
Туманъ, бѣлѣя полосою,
Палъ надъ изгибами рѣки,
Плакучія нависли ивы,
Какъ пышенъ ихъ зеленый рядъ!
Тамъ желтые колосья нивы
Лучи заката золотятъ.
Вокругъ меня семья родная,
И снова ожилъ я душой,
И сердце бьется замирая,
Какъ будто радостью сверкая
Воскресла юность предо мной!

---

* *
*

Мнѣ не скрыть отъ тебя,—отчего пересталъ
Я любимыя пѣсни слагать,
Что измученный жизнью тяжелой усталъ,
Разучился о счастьѣ мечтать.
Было время,—любила ты пѣсни мои,
Находила отраду ты въ нихъ,—
Въ этихъ пѣсняхъ тоски, неудачъ и любви,
Безконечныхъ сомнѣній моихъ.
Но разсѣялись всѣ золотыя мечты
И застыла душа средь холодныхъ людей,
Обаянье любви, идеалъ красоты,
Стали чужды душѣ утомленной моей!
Всѣ мечтанья былыя разбилися въ прахъ,
Нѣтъ на сердцѣ любви, на душѣ нѣтъ огня
И въ твоихъ утомленныхъ, печальныхъ глазахъ,
Нѣтъ надежды былой волновавшей меня!

НА СѢВЕРѢ.

Въ странѣ бурана и мятели,
Гдѣ слышенъ только бури вой,
Гдѣ сосны старыя да ели
Ведутъ бесѣду межъ собой,—
Тамъ человѣкъ бываетъ рѣдко,
Его пустыни не влекутъ.
Лишь самоѣдъ, охотникъ мѣткій
Стрѣлой калёной, да якутъ,
Туда являясь для охоты,
Летятъ по снѣжнымъ глубинамъ,
Чрезъ занесенныя болота,
Къ пустынымъ моря берегамъ...
Тамъ рыщетъ лось, да волкъ голодный
Себѣ добычу сторожитъ,
Да иногда лишь край холодный
Несчастныхъ пѣсня огласитъ.
Но что печальнѣе, она-ли,
Или волковъ голодныхъ вой,
Что долеталъ изъ снѣжной дали
До слуха тѣхъ пѣвцовъ порой,
Рѣшить нельзя.... А пѣсня льется,
Родной въ ней слышится мотивъ...
Она про родину поётся,
Про золото родимыхъ нивъ,
Родныхъ оставленныхъ далеко,
На вѣкъ покинутыхъ друзей....
Звучитъ та пѣсня одиноко
Подъ звонъ заржавленныхъ цѣпей!



ЖЕНЩИНА.

(Сюжетъ заимствованъ изъ Индійской легенды).

Всемогущій Магадева
Создалъ небо, солнце создалъ,
Создалъ міръ—и, имъ любуясь,
Отдыхалъ въ долинѣ Ганга.
Пальмы гордыя склоняли
Передъ нимъ свои вершины,
Защищалъ его отъ солнца,
Наклонившись, стройный лотосъ,
А вокругъ благоухали
Розы, лиліи, фіалки,
Вѣтерокъ игралъ въ вершинахъ,
Колыхая волны Ганга.
Магадева въ упоеньи
Сорвалъ лилію и бросилъ.
Бѣлымъ жемчугомъ блистая
Въ лучезарной, яркой зыби,
Поплыла она. Вдругъ вѣтеръ
Колыхнулъ рѣку сильнѣе,
Бѣлой пѣною кристальной
Эту лилію окуталъ,

Словно дымкою тумана,
И букетъ блестящей пѣны
Принялъ образы и формы,—
Сталъ онъ женщиной прекрасной.
И она явилась въ мірѣ
Нѣжной лиліи бѣлѣе,
Легче тихаго зефира
И измѣнчивѣй, чѣмъ волны.

Первымъ дѣломъ, въ волны Ганга,
Посмотрясь, она сказала:
— Магадева, я прекрасна,—
Въ мірѣ лучшее творенье!
Міръ въ восторгѣ встрепенулся
Зацвѣли цвѣты, а съ неба
Милліарды любопытныхъ
Глазъ на землю устремились,
И отъ радости горѣли....
(Съ тѣхъ поръ звѣзды въ мірѣ свѣтятъ!)

Смотритъ женщина — прекрасенъ
Божій міръ. Она довольна.
Но ей скоро надоѣло
Восхищенное молчанье.
— Всемогущій Магадева,
Создалъ ты меня прекрасной,
Отъ меня весь міръ въ восторгѣ,
Но молчанье — это скучно!

Магадева птицъ милльоны

Яркоперыхъ, голосистыхъ,
Создалъ.... Птицы тѣ запѣли
Красотѣ могучей гимны....
День прошелъ.
— Мнѣ надоѣли,
Магадева, эти птицы,
Все поютъ, что я прекрасна,
Я же жажду нѣжной ласки,
Жажду пламенныхъ объятій....

Въ мигъ единый Магадева
Сотворилъ змѣю. Блистая
Чешуей на солнцѣ яркой,
Обвила ей станъ, ласкаясь,
И къ ногамъ змѣя упала....
Полдня женщина довольна,
А потомъ она вскричала:
— Если бъ я была красива,
Подражать бы всѣ мнѣ стали!...

И на вѣтвяхъ обезьяна
Передъ нею появилась,
Подражать ея движеньямъ
Обезьяна всюду стала.
Долго женщина смѣялась,
Любовалась обезьяной,
А потомъ и отвернулась,
Грусти полная глубокой.

— Чѣмъ теперь ты недовольна?
Вопрошаетъ Магадева....

— Красотѣ своей я вѣрю,
Но становится мнѣ страшно...
Ты защитника скорѣе
Сотвори мнѣ, Магадева.

Левъ могучій, съ желтой гривой,
Вышелъ изъ лѣсу—и тихо
Легъ, въ травѣ, у ногъ прекрасной...
Бѣлой, нѣжною рукою
Льва она взяла за гриву,
Тотъ ласкался, извиваясь,
И въ глаза смотрѣлъ ей кротко...
Надоѣлъ ей левъ могучій....
— Я прекрасна! Всѣ то любятъ
Здѣсь меня, но это мало,
Вѣдь хочу любить сама я,
А кого любить — не знаю.

И красивая собачка,
По велѣнью Магадевы,
Ей вскочила на колѣни
И къ груди прижалась нѣжно.

И собачка надоѣла,
Надоѣло все на свѣтѣ.
Прогнала она собачку,
Обезьяна убѣжала,
Льва ударила ногою,
Убѣжалъ и левъ, а птицы

Всѣ въ испугѣ разлетѣлись,
И она одна осталась.

— Какъ несчастна я! Вскричала,
Руки, женщина, ломая,
Я въ хорошемъ настроеньи, —
Всѣ меня тогда ласкаютъ,
Всѣ глядятъ въ глаза съ любовью,
А едва я разсердилась,
Всѣ ушли и я осталась
Здѣсь одна. О, Магадева,
Существо создай такое,
На которое-бъ могла я
Изливать свой гнѣвъ порою,
И которое не смѣло
Отъ меня уйти ни шагу!

Отуманенъ Магадева,
Онъ чело свое нахмурилъ,
Посмотрѣлъ на воды Ганга,
Постоялъ.... И создалъ мужа.

КАЗАЧКА.

(л. и. г—ой).

Снова Донъ передо мною,
Снова родина моя,
И лазурью голубою
Блещетъ яркая струя.
Зеленѣетъ степь родная
Да желтѣютъ волны нивъ,
Донъ широкій окружая,
Наклонились вѣтви ивъ.
Здравствуй, Донъ! Изъ странъ далекихъ,
Гдѣ темнѣе ночи мгла,
На просторъ степей широкихъ
Обновиться я пришла...
Край суровый, край холодный
Душу мнѣ заледенилъ,
Только Донъ мой, Донъ свободный
Сердцу дорогъ, сердцу милъ.
Колыбель моя родная
Нашихъ дѣдовъ и отцовъ,
Ты отчизна дорогая
Руси славныхъ удальцовъ.
Здравствуй, Донъ! Вольнѣе птицы
Я вернулась въ милый край,—
Скуку пасмурной столицы
Поскорѣе разгоняй!

СЪ ОБѢИХЪ СТОРОНЪ.

Городъ пышный и богатый,
Городъ скучный и пустой!
Съ виду—въ золотѣ палаты,
Да въ подвалахъ видъ иной—
    Голь толпой.

То въ довольствѣ тонутъ люди
И веселый пиръ горой,
То звучитъ изъ чахлой груди,
Съ раздирающей тоской—
    Стонъ людской.

*
* *

Унылые звуки, печальные звуки!
Былое напомнили снова они,
Напомнили годы страданій и муки
И быстро мелькнувшіе счастія дни....
Воскресло въ душѣ, что давно позабыто,
О чемъ я не могъ въ суетѣ и мечтать, —
Что жизнью суровою было разбито,
Подъ чудные звуки воскресло опять!...
Во тьмѣ непроглядной таинственной ночи,
Гдѣ городъ усталый спокойно такъ спитъ,
Я вижу волшебныя, чудныя очи,
Я вижу стыдливую краску ланитъ....
Крылатой станицей несутся мечтанья
И молодость бурную судятъ мою,
И слышу я робкое слово признанья,
И милую вижу улыбку твою...
Подъ чудные звуки я ожилъ душою,
И сердце проснулось, печаль затая...
Вдали отъ тебя, но я снова съ тобою,
И ты здѣсь со мной, дорогая моя!...

***

Гдѣ увлеченья, гдѣ мечтанья,
Гдѣ юности могучей пылъ?
Лишь дней былыхъ воспоминанья
Остались, какъ кресты могилъ.

Залечена былая рана,
Давно забвенью преданъ бой,
И отъ пылавшаго вулкана
Остался пепла сѣрый слой.

БРОДЯГА.

Не смѣйтесь, что все я о волѣ пою,
Какъ мать дорогую я волю люблю....

Не смѣйтесь, что пѣлъ я о звукѣ оковъ,
О скрипѣ дверей и о лязгѣ штыковъ...

О холодѣ, голодѣ пѣлъ, о бѣдѣ,
О горѣ глубокомъ и горькой нуждѣ.

Родился я въ холодѣ, повитъ бѣдой,
Я выросъ въ тюрьмѣ и воспитанъ нуждой...

Подъ звуки тюремныхъ дверей и оковъ
Не слышалъ я матери ласковыхъ словъ,

Она не баюкала нѣжно меня,
Судьбу, умирая въ темницѣ, кляня.

А послѣ слѣпца я за палку водилъ
И жалобно пѣлъ, когда хлѣба просилъ.

Несчастіе спутникомъ было ему
И снова попалъ со слѣпцомъ я въ тюрьму.

Но волю узналъ я, въ лѣсу побывалъ
И, бросивъ слѣпца, изъ тюрьмы убѣжалъ.

Работалъ въ деревнѣ, пригрѣли меня,
Но дожилъ опять до несчастнаго дня,

Опять оторвали меня отъ земли
И снова въ тюрьму въ кандалахъ повели...

Отъ шумнаго лѣса, отъ желтыхъ сноповъ,
Отъ матки сохи, за желѣзный засовъ!

***

Портретъ твой снова предо мной,
Онъ мнѣ напомнилъ дни былые...
Я былъ тогда совсѣмъ иной
И жилъ для васъ, мечты святыя.
Готовъ былъ смѣло пасть въ бою
За горе страждущаго брата,
Въ порывѣ пылкомъ жизнь мою
Готовъ отдать былъ безъ возврата.
Бѣжало время. Много лѣтъ
Мелькнуло быстро предо мною...
Какъ былъ, все тотъ-же твой портретъ,
Но измѣнился я душою.
Но все жъ, когда порой взгляну
Я на портретъ твой, сердцу милый,
Какъ будто жизни прахъ стряхну,
Вернутся вновь былыя силы,
Взгляну—и снова юнъ душой,
Какъ въ дни забытые, былые,
Когда я былъ совсѣмъ иной
И жилъ для васъ, мечты святыя!

---

*
* *

Когда въ душѣ твоей поэзія проснется,
Когда ты оживешь усталою душой,
И сердце чуткое внезапно встрепенется,
И счастье юное воскреснетъ предъ тобой,—

Тогда, мой другъ, стряхнувъ житейскія невзгоды,
Въ тебѣ проснутся вновь забытыя мечты,
И какъ въ далекіе, младенческіе годы,
И святъ, и дѣтски-чистъ душою будешь ты!

———————

СТЕПЬ

(отрывокъ).

Безлюдной, дикою пустыней
Стояла долго ширь степей,
Безмолвно гладью темносиней
Небесный сводъ смотрѣлся въ ней.
Еще за вѣкомъ вѣкъ промчался,
И, посреди нѣмыхъ равнинъ,
Гдѣ съ тростникомъ ковыль шептался,
Явился новый властелинъ....
Преемникъ древняго Язона
За золотымъ руномъ пришелъ,
И здѣсь, среди степнаго лона,
Язона клады онъ нашелъ.
И вотъ просторъ степей великій
Весь встрепенулся, ожилъ вновь,
Но ужъ не шумомъ сѣчи дикой,
Какъ прежде,—здѣсь не льется кровь!
Да! миновался вѣкъ кровавый....
Теперь траву степныхъ могилъ,—
Кровавыхъ памятниковъ славы,—
Чабанъ овцамъ своимъ скормилъ!
Гдѣ прежде рати провожали
Стенанье, горе и бѣда,—
Пастись тамъ мирно нынѣ стали
Барановъ сѣрыя стада....

Одно сначала.... Тамъ другое,
Тамъ третье.... Дальше цѣлый рядъ.
Пространство ожило нѣмое,
Покрывшись рядомъ сѣрыхъ стадъ....
Герой оружья, сѣчи, боя
Степь одичавшую покрылъ
Рядами ровными могилъ—
Онѣ лишь памятникъ героя...
О немъ преданья не богаты,
И изчезаютъ безъ слѣда....
Въ степи глухой воздвигъ палаты
Герой другой,—герой труда....
Развелъ овецъ стада повсюду,
И дикій рядъ степныхъ могилъ,
Костей героевъ скрывши груду,
Глубоко плугомъ взбороздилъ.
Явилась мазанка, другая,
Потомъ ихъ выросъ стройный рядъ,
И вотъ, на солнышкѣ сверкая,
Кресты надъ церковью горятъ....

Чапли, Тавр. г.

---

*
* *

Сильнѣй хлесталъ сердитый валъ,
Все дальше берегъ исчезалъ
Въ моихъ глазахъ...
Еще полоской золотой
Онъ, разъ мелькнувъ передо мной,
Пропалъ въ волнахъ.
Не такъ ли горе и бѣда
Въ душѣ исчезнутъ навсегда,
Иль счастья лучъ
Звѣздой падучею блеснетъ,
Поманитъ ласково впередъ,
Да и навѣки пропадетъ
Во мракѣ тучъ!

НОЧЬЮ.

Тихо. Скрыто мглой ночною
Все село. Заснули хаты,
Спятъ сады, и лишь порою
Грома слышатся раскаты.
Спитъ село и лѣсъ дремучій,
Воздухъ спитъ, а надо мною,
Какъ чудовища толпою,
Мчатся въ темномъ небѣ тучи....

Небо грозно, небо темно,
Туча тучу догоняетъ,
Словно глазъ красотки, томно
Кой гдѣ молнія сверкаетъ,
И опять чудовищъ стая
Мчится темными толпами,
Предъ усталыми глазами
Блескъ зарницы закрывая....

———

*
* *

Я ушелъ отъ тебя, оскорбленный тобой,
Оскорбленный тобою глубоко....
Съ наболѣвшей душой, на глазахъ со слезой,
Отъ тебя я умчался далеко.
Вотъ и городъ исчезъ.... Забѣлѣли снѣга,
Боръ дремучій вершиной киваетъ,
А мой поѣздъ впередъ—вѣдь дорога долга —
Въ безконечную даль убѣгаетъ....
И встаютъ предо мной золотыя мечты,
Въ этой, снѣгомъ окутанной, дали,
Предо мною встаешь какъ живая вся ты,
Вотъ и глазки твои заблистали....
Такъ блистали, я помню, они предо мной,
Подъ лучами палящаго юга....
Но пропалъ этотъ блескъ!... Здѣсь покровъ снѣговой,
Вмѣсто солнца бушуетъ здѣсь вьюга!
Измѣнилась и ты средь суровой страны,
Все забыть порѣшила, что было,
Прежде рѣчи твои были страсти полны,
Ты и рѣчи свои позабыла!...
Гдѣ бѣлѣютъ снѣга—все зеленой травой,
Было лѣтомъ, я помню, залито....
Съ тѣхъ поръ сердце твое ледяною корой,
Ледяною корою покрыто!

ОСЕНЬ.

Здѣсь, на сѣверѣ суровомъ,
Гдѣ царитъ сѣдая вьюга,
Предо мною блещутъ ярко
Очи пламеннаго юга....
И встаютъ въ душѣ усталой
Дней былыхъ воспоминанья, —
Садъ, черешни, кипарисы,
Всѣ свидѣтели свиданья.
Но напрасно простираю
Къ югу трепетныя руки:—
Не вернутся дни былые,
Не утихнутъ сердца муки.
Здѣсь, на сѣверѣ суровомъ,
Гдѣ царитъ сѣдая вьюга,
Васъ мнѣ больше не увидѣть,
Очи пламеннаго юга.

ПОСЛѢ ГРОЗЫ.

Слышенъ грома раскатъ отдаленный,
Ярко солнце горитъ въ небесахъ,
Брилліантами въ рощѣ зеленой
Блещутъ капли дождя на цвѣтахъ.
Все то въ воздухѣ дышетъ прохладой,
Ароматами роща полна,
И за тучею, синей громадой,
Мнѣ лазурь голубая видна...
Съ горъ высокихъ ручьи побѣжали,
Грозно мутная вздулась рѣка,
Кой гдѣ неба лазурныя дали,
Словно снѣгъ, серебрятъ облака.
Оживились усталые люди,
Подъ дождемъ оживилась земля
И свободнѣе дышется груди,
И еще зеленѣе поля...

В. В. В — У.

Гляжу въ окно я. Мысли смутны,
Куда-то вдаль стремлюсь душой,—
И прошлое въ тоскѣ минутной
Встаетъ такъ живо предо мной.

Вся жизнь прошла въ борьбѣ съ судьбою,
Борьба и дальше впереди,
И сердце мучится тоскою
Въ моей истерзанной груди.

НА ВОЛГѢ.

(К. О. Б—ъ).

Волгой матушкой, быстрою, длинною,
Пароходъ нашъ стрѣлою летитъ,
И картина идетъ за картиною,
И за видомъ смѣняется видъ...
То лѣса вѣковые, дремучіе,
Словно грозные стражи стоятъ,
То пески по прибрежью сыпучіе
Полосою, желтѣя, лежатъ.
Надъ рѣкою туманъ разстилается,
А за нимъ то луга, то поля
Съ горизонтомъ далекимъ сливаются....
Хороша ты, родная земля!
Хороша эта даль необъятная,
Этотъ вольный, широкій просторъ!...
Обаянія власть непонятная
И чаруетъ, и нѣжитъ мой взоръ.

ЗИМА ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Длиненъ, скученъ зимній вечеръ...
Хату снѣгомъ замело,
Слышенъ вьюги вой сердитый
Сквозь замерзшее стекло,
Да гудитъ уныло вѣтеръ,
Воя жалобно въ трубѣ...
Неуютно, неприглядно,
Въ развалившейся избѣ....
Шелеститъ солома крыши,
Да сверчокъ кричитъ въ углу,
Да больной ребенокъ стонетъ
Возлѣ печки, — на полу.

*
* *

Нѣтъ не люби поэта, дорогая,
Его любовь измѣнчивѣй весны,
Въ его стихахъ найдешь блаженство рая,
Найдешь любви чарующіе сны.
Подъ яркій блескъ очей твоихъ прекрасныхъ
Онъ оживетъ усталою душой,
Былыхъ картинъ, плѣнительныхъ и ясныхъ,
Предъ нимъ мелькнетъ тогда волшебный рой...
И въ прошлое онъ погрузится думой,
Но лишь пройдутъ временъ былыхъ мечты,
Опять онъ злой, печальный и угрюмый,
Ему опять чужою станешь ты.



СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

I.

Гудитъ Москва. Народъ толпами
Къ заставѣ хлынулъ, какъ волна,
Вооруженными стрѣльцами
Вся улица запружена.
А за заставой зеленѣютъ
Цвѣтами яркими луга,
Колеблясь, волны ржи желтѣютъ,
Рѣки чернѣютъ берега...
Дорога сѣрой полосою
Играетъ змѣйкой между нивъ,
Окружена живой толпою
Высокихъ придорожныхъ ивъ.
А по дорогѣ пыль клубится
И что то движится вдали:
Казакъ припалъ къ коню и мчится,
Конь чуть касается земли.
— Веземъ, встрѣчайте честью гостя,
Готовьте два столба ему,
Земли немного на погостѣ,
Да попросторнѣе тюрьму,

Веземъ!

И вотъ ужъ у заставы
Красивыхъ всадниковъ отрядъ,
Они въ пыли, ихъ пики ржавы,
Пищали за спиной висятъ.
Везутъ телѣгу. Палачами
Окружена телѣга та,
На ней прикованы цѣпями
Сидятъ два молодца. Уста
У нихъ сомкнуты, грустны лица,
Въ глазахъ то злоба, то туманъ....
Не такъ къ тебѣ, Москва—столица,
Мечталъ пріѣхать атаманъ
Низовой вольницы! Со славой,
Съ побѣдой думалъ онъ войти,
Не къ плахѣ грозной и кровавой
Мечталъ онъ голову нести!
Не зная неудачъ и страха,
Не охладивши сердца жаръ,
Мечталъ онъ самъ вести на плаху
Дьяковъ московскихъ и бояръ.
Мечталъ, а сдѣлалось другое,
Какъ вора Разина везутъ,
И передъ нимъ встаетъ былое,
Картины прошлаго бѣгутъ:
Вотъ берега родного Дона....
Отецъ замученный.... Жена....
Вотъ Русь, народъ.... Мольбы и стона....
Полна несчастная страна....

Монахъ угрюмый и высокій,
Блеститъ его орлиный взоръ....
Вотъ Волги—матушки широкой
И моря Каспія просторъ...
Его ватага удалая
Поволжья бурная гроза....
И персіянка молодая,
Она предъ нимъ.... Ея глаза
Полны слезой, полны любовью,
Полны восторженной мечты....
Вотъ руки облитыя кровью—
И нѣтъ на свѣтѣ красоты!
А тамъ все висѣлицы, битвы,
Пожаровъ безпощадныхъ чадъ,
Убійства въ полѣ, у молитвы,
Въ бою.... Вонъ висѣльниковъ рядъ.
На Волгѣ, на степныхъ курганахъ,
Въ покрытыхъ пепломъ городахъ,
Въ разшитыхъ золотомъ кафтанахъ,
Въ цвѣтныхъ, боярскихъ сапогахъ....
Подъ Астраханью бой жестокій...
Врагъ убѣжалъ, разбитый въ прахъ....
А вотъ онъ ночью одинокій
Въ тюрьмѣ, закованный въ цѣпяхъ....
И надо всѣмъ Степанъ смѣется,
И казнь, и пытки—ничего:
Однимъ лишь больно сердце бьется—
Свои же выдали его.

II.

Утро ясно встаетъ надъ Москвою,
Солнце ярко кресты золотитъ,
А народъ еще съ ночи толпою
Къ Красной площади, къ казни спѣшитъ.
Чу, везутъ! Взволновалась столица,
Вся толпа колыхнулась волной,
Зачернѣлась надъ ней колесница
Съ перекладиной, съ цѣпью стальной.
Атаманъ и разбойникъ мятежный
Гордо всталъ у столба впереди,
Онъ въ рубахѣ одѣтъ бѣлоснѣжной,
Крестъ горитъ на широкой груди.
Рядомъ съ нимъ и усталъ и взволнованъ,
Не высокъ, но плечистъ и сутулъ,
На цѣпи на желѣзной прикованъ,
Фролъ идетъ, удалой эсаулъ;
Братъ любимый, рука атамана,
Всей душой онъ былъ преданъ ему
И, узнавъ, что забрали Степана,
Самъ охотно явился въ тюрьму.
А на черномъ, высокомъ помостѣ
Дьякъ, съ дрожащей бумагой въ рукахъ,
Ожидаетъ желаннаго гостя,
На лицѣ его злоба и страхъ.
И дождался. На помостъ высокій
Разинъ съ Фролкой спокойно идетъ,
Мирно колоколъ гдѣ то далекій

Православныхъ молиться зоветъ;
Тихо дальніе тянутся звуки,
А народъ недвижимый стоитъ:
Кровожадный, ждетъ Разина муки—
Часъ молитвы для казни забытъ....
Подошли. Расковали Степана,
Онъ кого-то глазами искалъ....
Передъ взоромъ бойца атамана,
Словно листъ, весь народъ задрожалъ.
Дьякъ указъ „про несказаны вины"
Прочиталъ, взялъ бумагу въ карманъ,
И къ Степану съ сѣкирою длинной
Катъ пришелъ... Не дрогнулъ атаманъ;
А палачъ и жестокъ и ужасенъ,
Ноздри вырваны, нѣтъ и ушей,
Глазъ одинъ весь кровавый былъ красенъ,—
По сложенью медвѣдя сильнѣй.
Взялъ онъ за руку грознаго ката,
И промолвивъ, поникъ головой:
Передъ смертью прими ты за брата,
Помѣняйся крестомъ ты со мной.
На глазу палача одинокомъ
Брилліантикъ слезы заблисталъ,—
Человѣкъ тотъ о прошломъ далекомъ,
Можетъ быть, въ этотъ мигъ вспоминалъ....
Жилъ и онъ вѣдь, какъ добрые люди,
Не была его домомъ тюрьма,
А потомъ ужъ коснулося груди,
Раскаленное жало клейма,

А потомъ ему уши рубили,
Рвали ноздри, ременнымъ кнутомъ
Чуть до смерти его не забили
И заставили быть палачемъ.
Омочивъ свои щеки слезами,
Подалъ крестъ атаманъ ему свой—
И враги помѣнялись крестами...
— Братья! шопотъ стоялъ надъ толпой...
Обнялися ужасные братья.
Да, такой не бывало родни,
А какія то были объятья—
Задушили-бъ медвѣдя они!
На востокъ горячо помолился
Атаманъ полный воли и силъ
И народу кругомъ поклонился:
— Православные, въ чемъ согрубилъ
Все простите, виновенъ не мало,
Катъ за дѣло Степана казнитъ,
Виноватъ я.... Въ отвѣтъ прозвучало:
— Мы прощаемъ и Богъ тя проститъ!...
Поклонился, и къ крашеной плахѣ
Подошелъ своей смѣлой стопой,
Разстегнулъ бѣлый воротъ рубахи,
Легъ.... Накрыли Степана доской.
— Что жъ, руби! Злобно дьякъ обратился,
Али дѣло забылъ свое Катъ?
— Не могу бить родныхъ—не рядился,
Мнѣ Степанъ по кресту теперь братъ,
Не могу! И сѣкира упала

По помосту гремя и стуча.
Тутъ народъ подивился не мало....
Дьякъ другого позвалъ палача.
Новый катъ топоромъ размахнулся,
И рука откатилася прочь,
Дрогнулъ помостъ, народъ ужаснулся....
Хоть бы стонъ! Лишь глаза, словно ночь,
Чернымъ блескомъ кого то искали
Близь помоста и сзади вдали...
Яркой радостью вдругъ засверкали,
Знать желанныя очи нашли!
Но не вынесъ той казни Степана,
Этихъ мукъ, эсаулъ его Фролъ,
Какъ упала рука атамана,
Закричалъ онъ, испуганъ и золъ....
Вдругъ глаза непрогляднѣе мрака
Посмотрѣли на Фролку. Онъ стихъ.
Крикнулъ Стенька:
— Молчи ты, собака!
И нога отлетѣла въ тотъ мигъ.
Все сѣкира быстрѣе блистаетъ,
Нѣтъ ноги и другой нѣтъ руки,
Голова по помосту мелькаетъ,
Тѣло Разина рубятъ въ куски.
Изрубили за нимъ эсаула,
На колъ головы ихъ отнесли,
А въ толпѣ среди шума и гула,
Слышно—женщина плачетъ вдали.
Вотъ ее то своими глазами

Атаманъ межъ народа искалъ,
Поцѣлуй огневыми очами
Передъ смертью онъ ей посылалъ.
Оттого умиралъ онъ счастливый,
Что напомнилъ ему ея взоръ,
Донъ далекій, родимыя нивы,
Волги—матушки вольный просторъ,
Всѣ походы его боевые,
Гдѣ онъ самъ никого не щадилъ,
Оставлялъ города огневые,
Воеводъ ненавистныхъ казнилъ....
. . . .
. . . .



КРАСНЫЙ ПѢТУХЪ.

У насъ, на Руси, на великой,
(То истина, братцы,—не слухъ)
Есть чудная, страшная птица,
По имени „красный пѣтухъ“....
Летаетъ она постоянно
По селамъ, деревнямъ, лѣсамъ,
И только лишь гдѣ побываетъ,—
Рыданія слышатся тамъ.
Тамъ все превратится въ пустыню:
Избушки глухихъ деревень,
Богатыя, стройныя села
И лѣса столѣтняго сѣнь.
Пѣтухъ пролетаетъ повсюду,
Невидимый глазомъ простымъ,
И чуть гдѣ опустится низко—
Появятся пламя и дымъ....
Свое совершаетъ онъ дѣло,
Нигдѣ, ничего не щадитъ,—
И въ лѣсъ, и въ деревню, и въ городъ,
И въ села, и въ церкви летитъ....
Господнимъ его попущеньемъ

Съ испугомъ, крестяся, зоветъ,
Страдая отъ вѣчнаго горя,
Безпомощный, бѣдный народъ....

Стояла деревня глухая,
Домовъ—такъ, десяточка два,
Въ ней печи соломой топили,
(Тамъ дороги были дрова),
Соломою крыши покрыты,
Солому—коровы ѣдятъ,
И въ избу зайдешь—изъ-подъ лавокъ
Соломы-же клочья глядятъ....
Работы ужъ были въ разгарѣ,
Большіе—ушли на страду,
Лишь старый, да малый въ деревнѣ
Остались готовить ѣду.
Стрекнулъ уголекъ вдругъ изъ печи,
Случайно въ солому попалъ,
Еще полминуты, и быстро
Огонь по домамъ запылалъ....
Горѣла солома на крышахъ,
За домомъ пылалъ каждый домъ,
И дымъ только вскорѣ клубился
Надъ быстро сгорѣвшимъ селомъ....

На вешняго какъ-то Николу,
Въ Заволжьѣ, селѣ надъ рѣкой,
Сгорѣло домовъ до полсотни,—
И случай-то очень простой:

Подвыпивши праздникомъ лихо,
Пошли въ сѣновалъ мужики
И съ трубками вольно сидѣли,
Отъ всякой бѣды далеки.
Сидѣли, потомъ задремали,
И трубки упали у нихъ;
Огонь еще въ трубкахъ курился....
И вспыхнуло сѣно все въ мигъ....
Проснулись, гасить попытались,
Но поздно, огонь не потухъ....
И снова леталъ надъ Заволжьемъ
Прожорливый, красный пѣтухъ....

Любилъ дѣвку парень удалый,
И самъ былъ взаимно любимъ,
Родители только рѣшили
— Не быть нашей дочкѣ за нимъ!
И выдали дочь за сосѣда,—
Женихъ былъ и старъ, и богатъ,
Три дня пировали на свадьбѣ,
Отецъ былъ и счастливъ, и радъ....
Ходилъ только парень угрюмо,
Да дума была на челѣ:
— Постой! Я устрою имъ праздникъ,
Во вѣкъ не забудутъ въ селѣ!...
Стояла ужъ поздняя осень,
Да ночь, и темна и глуха,
И музыка шумно гудѣла
Въ богатой избѣ жениха....

Но вотъ разошлись уже гости,
Давно потушили огни.
— „Пора!“ порѣшилъ разудалый,
— „Пусть свадьбу попомнятъ они!“...
И къ утру, гдѣ было селенье,
Гдѣ шумная свадьба была,
Дымились горѣлыя бревна,
Да вѣтромъ носилась зола...

Въ глуши непрогляднаго лѣса,
Межъ сосенъ, дубовъ вѣковыхъ,
Сидѣли разъ вечеромъ трое
Безвѣстныхъ бродягъ удалыхъ...
Ужъ солнце давно закатилось,
И въ небѣ блестѣла луна,
Но въ глубь вѣковѣчнаго лѣса
Свой свѣтъ не роняла она...
— „Разложимъ костеръ, да уснемъ-ка,“—
Одинъ изъ бродягъ говорилъ.
И въ мигъ закипѣла работа,
Темь лѣса огонь озарилъ.
Заснули безпечные крѣпко,
Надѣясь, что ихъ не найдутъ,
Солдаты и стража далеко,—
Въ глубь лѣса они не придутъ!...
На листьяхъ изсохшихъ и хвояхъ,
Покрывшихъ и землю, и пни,
Подъ говоръ деревьевъ и вѣтра,
Заснули спокойно они...

Тотъ годъ было знойное лѣто,
Засохла дубрава и лугъ...
Вотъ тутъ-то тихонько спустился
Незванный гость—страшный пѣтухъ...
По листьямъ и хвоямъ сухимъ онъ
Гадюкой поползъ черезъ лѣсъ,
И пламя за нимъ побѣжало,
И дымъ поднялся до небесъ...
Деревья, животныя, птицы,—
Все гибло въ ужасномъ огнѣ
Преградъ никакихъ не встрѣчалось
Губительной этой воднѣ.
Все лѣто дубрава пылала,
Дымъ черный страну застилалъ,
Возможности не было даже
Прервать этотъ огненный валъ...
Года протекли—вмѣсто лѣса
Чернѣютъ тамъ угли одни,
Да жидкая травка скрываетъ
Горѣлые, бурые пни...

---

* *
*

Ужъ нѣтъ любви въ душѣ моей,
Царитъ въ ней злоба да сомнѣнье,
И страсть былую прежнихъ дней
Порой замѣнитъ увлеченье.
Мнѣ кажется—я полюбилъ,
Мелькнутъ въ душѣ былыя грезы,
Но мигъ одинъ—и все забылъ,
Житейскія разбили грозы
Святыя чувства у меня,
Какъ бьетъ стекло тяжелый молотъ,
И, вмѣсто страсти и огня,
Въ душѣ царитъ смертельный холодъ.
А чей нибудь порою взоръ
Зажжетъ мнѣ сердце пыломъ жаркимъ,
Любовь мелькнетъ, какъ метеоръ,
На мигъ одинъ паденьемъ яркимъ.

---

* *
*

Блещетъ свѣтомъ луны озаренная,
Какъ сафиръ голубая волна,
А подъ нею пучина бездонная,
Та пучина мрачна и страшна.

Блещутъ радостью глазки веселые,
И не сходитъ улыбка съ чела,
Но сквозитъ все же горе тяжелое,—
Мрачной думы унылая мгла.

ЧИТАТЕЛЬ И ПОЭТЪ.

Читатель.

Умолкъ ты, поэтъ мой, на вѣки-ль пропала
Поэзіи сила святая твоя,
Та сила, что сердце людей волновала
То блескомъ зарницы, то пыломъ огня.

Я помню, ты въ годы свои молодые
Порою всю душу свою изливалъ
И образы свѣтлые, мысли святыя
Не рѣдко ты въ смѣлыхъ строкахъ воплощалъ....

Я помню не разъ этотъ мигъ вдохновенья:
Читалъ ты въ кругу тебѣ мыслью родныхъ,
То счастія полный, то полный мученья
Намъ въ душу ложился восторженный стихъ...

Стремились впередъ быстролетные годы,
Хлесталъ меня жизни воинственный валъ,
Въ минуты блаженства, въ минуту невзгоды
Всегда я тебя, милый другъ, вспоминалъ.

Стиховъ твоихъ чудные, вѣщіе звуки,
Не разъ повторялъ я въ счастливые дни,
Въ минуту несчастья, страданья и муки
Не разъ оживляли мнѣ душу они.

Поэтъ.

О нѣтъ, мой другъ, еще поэзія жива,
И на душѣ ея таится бремя,
Какъ чистое зерно порой глушитъ трава,
Ее такъ заглушило это время....

Жизнь сѣрая своей холодною волной,
Въ трясинѣ илистой и мглистой,
Покрыла плотнымъ слоемъ грязи вѣковой
Источникъ тотъ живительный и чистый.

Я не забылъ, мой другъ, тѣ золотые дни:
Когда лились стихи, струилися волною.
И музыкой живили душу мнѣ они,
Съ житейской раздѣляя суетою....

Я молодъ былъ тогда. Прошла моя весна,
Въ борьбѣ усталая, слабѣла сила,
Но грязныхъ мелочей житейская волна
Святой огонь въ душѣ не погасила.

О нѣтъ еще—жива поэзія моя,
Во глубинѣ души она таится
И, можетъ быть, когда нибудь дождется дня,
Чтобъ пламеннымъ потокомъ ей разлиться....

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

Чу! Слышенъ звонъ колоколовъ,
И сквозь окно моей темницы
Ко мнѣ несется гулъ столицы,
Гулятъ всѣ сорокъ сороковъ...
Орудій грохотъ, дымъ кадильный
И бѣлый дымъ пороховой,
Я вижу сквозь рѣшетки пыльной,
Слились—и къ выси голубой
Несутся вмѣстѣ. Стройнымъ хоромъ
Поютъ внизу: „Христосъ воскресъ!"
И громко слышенъ по соборамъ
Отвѣтъ „воистину воскресъ!"
Повсюду радость лобызанья,
Повсюду ликованій громъ,
Забыты горе и страданья
И мирно обнятъ врагъ врагомъ.
Я на колѣни опустился,
Вознесъ молитву къ небесамъ,
И долго, жарко я молился,
Простивши все моимъ врагамъ.
Молился я, чтобъ Богъ распятый
Пришелъ воистину опять,
Чтобы на міръ нашъ, зломъ объятый,

Сошла святая благодать.
Молился я, душою боленъ,
Подъ пушекъ ревъ, подъ грохотъ ихъ,
Подъ звонъ дрожащихъ колоколенъ,
Подъ рѣзкій звукъ цѣпей моихъ...
Христосъ воскресъ! Съ Нимъ всепрощенье
Должно воскреснуть, думалъ я,
И завтра кончатся мученья,
Свободенъ я... семья моя
Меня въ кругу увидитъ снова,
Я ей скажу, что я... принесъ
Къ ней изъ тюрьмы святое слово:
„Воскресъ Христосъ!"

МАВЗОЛЕЙ.

Ну, что-жъ! Поставьте мавзолей,
Закройте камнемъ холмъ зеленый,
Пусть зелень свѣжую вѣтвей
Задавитъ камень раскаленный.
Пусть онъ покрѣпче пригнететъ
Своею мертвой, тяжкой силой—
Того, кто тамъ, въ землѣ живетъ,
Кто взятъ безвременной могилой!
А камень вѣчно-ль простоитъ?
Столѣтій вереницей длинной
Испепелится въ прахъ гранитъ
И на холмѣ сольется съ глиной.
Гдѣ былъ гранитъ,—опять травой
Могильный холмъ зазеленѣетъ,
И на кустахъ опять, весной,
Цвѣтокъ душистый заалѣетъ!
О, нѣтъ не ставьте мавзолей,—
Оставьте лучше холмъ зеленый,
Вѣдь зелень свѣжая вѣтвей
Прочнѣй, чѣмъ камень раскаленный!

ОСЕНЬЮ.

А недавно еще жизнь кипѣла вездѣ,
Въ каждой вѣточкѣ сила дышала,
И въ широкомъ, теперь помертвѣвшемъ прудѣ,
Рыба весело утромъ играла.
А вотъ здѣсь, между липы цвѣтущихъ вѣтвей,
(Изумрудомъ онѣ зеленѣли)
Звонко пѣсни свои распѣвалъ соловей,
И катились за трелями трели,
Оживляя весь садъ....
Посрединѣ куртинъ,
Весь обвитый кругомъ павиликой,
Цвѣлъ высоко поднявшійся кустъ георгинъ,
Окруженный левкоемъ, гвоздикой...
Вдалекѣ отъ куртинъ, за прудомъ, въ глубинѣ
Нѣги полнаго стараго сада,
Разрасталась года въ гробовой тишинѣ
Дико тополей стройныхъ громада.
И ни разу лучъ солнца корней не видалъ
Великановъ, въ одеждѣ тѣнистой,
А подъ ними внизу ароматъ разливалъ
Бѣлыхъ ландышей кустикъ душистый...
А теперь они голы, безмолвно стоятъ,
Помертвѣли могучія силы
И, покрытый поблеклыми листьями, садъ
Дышетъ холодомъ тихимъ могилы.

МОГИЛЬЩИКЪ.

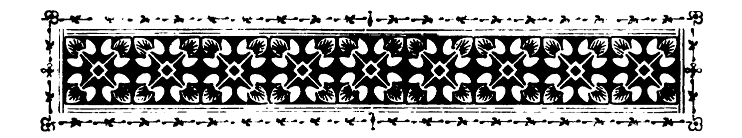
Славная погода!... Солнце свѣтитъ ярко,
На небѣ ни тучки. Вѣтеръ не колышетъ
Листьевъ на деревьяхъ. Нестерпимо жарко.
Только на кладбищѣ все прохладой дышетъ;
Солнце не роняетъ лучъ свой ярко жгучій
На коверъ зеленый, кроющій могилы.
Подъ щитомъ роскошнымъ ивушки плакучей,
Съ заступомъ желѣзнымъ, напрягая силы,
Весь сѣдой могильщикъ новое жилище
Средь могилъ заросшихъ для кого-то строитъ....
Лѣтъ уже не мало онъ на томъ кладбищѣ
Каждый день безсмѣнно эту землю роетъ;
Съ этимъ царствомъ мертвыхъ онъ давно сроднился
И картинъ печальныхъ видѣлъ здѣсь не мало....
Опершись на заступъ онъ остановился
И въ воображеньи передъ нимъ вдругъ встало
Время лѣтъ минувшихъ... молодые годы
Быстро промелькнули, прожиты безплодно,
Подъ тяжелымъ гнетомъ горя и невзгоды
Не дышалось вольно, не жилось свободно....
Эта изъ за хлѣба вѣчная работа,
Да судьбѣ покорность, да нужда-забота
Чувства человѣка въ немъ давно убили,
Сердце застудили, душу умертвили....

И теперь, надъ этой новою могилой,
Передъ нимъ рядъ мыслей всталъ въ ужасной силой!
— Скоро для меня настанетъ тоже время,
Также сброшу жизни этой горькой бремя,
И въ тѣни знакомой этого кладбища
Выроютъ могилу мнѣ чужія руки...
Счастливъ буду въ ней я, горемыка нищій,
Горе позабуду и земныя муки,
Позабуду трудъ мой, тяжкій и безплодный,
Позабуду гнетъ судьбы сурово ярой,
И забудутъ люди, гдѣ лежитъ безродный,
Никому ненужный, побродяга старый.
На мою могилу не придутъ родные:
Плакать надъ бродягой здѣсь они не станутъ,
Только ночью звѣзды—Божьи глазки взглянутъ,
Да разскажутъ сказку тополи густые,
Какъ на бѣломъ свѣтѣ въ ту пору живется,
Какъ терзаютъ правду, убиваютъ силу....
Горькой болью въ сердцѣ сказка отзовется,
И благословлю я темную могилу.

———

*
* *

Прошли года. Былыя думы
Промчались яркой полосой,
Дни стали скучны и угрюмы
И сталъ тяжелъ души покой.
Но я надѣюсь, будетъ время
И новый, счастья яркій лучъ
Растопитъ думъ тяжелыхъ бремя,
Разгонитъ мракъ нависшихъ тучъ.



ВЪ ЦИРКѢ.

(изъ поэмы „Агасферъ").

Я—вѣчный жидъ—куда приду
Повсюду принесу бѣду...
Пришелъ я въ городъ разъ и вотъ
Увидѣлъ что: толпой народъ
Стремился въ циркъ, и я за нимъ
Пошолъ, желаніемъ томимъ
Увидѣть все... Я осмотрѣлъ
Подробно циркъ... Тотъ циркъ имѣлъ
Одинъ лишь выходъ... Для тепла
Межъ тонкихъ стѣнъ его была
Солома вложена. Одно
Въ замѣну крыши полотно
Темнѣло сверху, а на немъ
Для теплоты опять, пластомъ
Лежало сѣно. Циркъ набитъ
Биткомъ. Народъ сидитъ, стоитъ;
Всѣ увлеклись... Вдругъ, я смотрю...
О, съ ужасомъ я говорю
Объ этомъ нынѣ... Надъ толпой
Смерть пронеслася... Боже мой!

Въ мигъ замеръ на устахъ у всѣхъ
До этихъ поръ гремѣвшій смѣхъ...
Тревожный шопотъ пролетѣлъ,
И на моментъ оцѣпенѣлъ
На сценѣ клоунъ, и волной
Катился шопотъ роковой....
На лицахъ публики легла
Зловѣщая тревоги мгла...
Еще моментъ—раздался крикъ:
„Пожаръ"!!!
                Невыносимый мигъ!
Вся масса,—не забудешь вѣкъ,—
Какъ бы единый человѣкъ,
Вдругъ поднялась. Раздался стонъ....
Подобенъ мукамъ ада онъ...
И полотно передо мной
Багровымъ стало.... Вы порой
Бывало въ дѣтствѣ, взявши листъ
Бумаги жгли его. И чистъ
Былъ край листа, не обращенъ
Который къ пламени, и онъ
Потомъ багровѣть начиналъ,
И лопался.... Я увидалъ
Здѣсь тоже самое пятно
На полотнѣ... Пятно росло,
Росло и лопнуло!... Языкъ
Огня кроваваго въ тотъ мигъ
Лизнулъ всю стѣну. Страшный дымъ
Поднялся облакомъ густымъ,

Вверху его темнѣла мгла,
Внизу-жъ не публика была—
Сплошная масса изъ людей,
Подъ прессомъ будто, а изъ ней
Ужаснѣйшій, предсмертный крикъ
Порою рвался страшенъ, дикъ
И заглушилъ немолчный гулъ....
А вѣтеръ страшно ужъ раздулъ
Огонь.... Вставали волоса
У всѣхъ, кто слышалъ голоса
Сжигаемыхъ. Вдругъ дѣтскій зовъ:
— Мой папа, мама!... голосовъ
Ужасный ревъ собой покрылъ,
И какъ кинжаломъ поразилъ
Мнѣ сердце....
Что я сдѣлать могъ?
Я былъ безплотенъ! Но тревогъ
Людскихъ, страданій, горя, нуждъ
Я въ эту пору не былъ чуждъ.
Съ страдальцами и я страдалъ,
А дѣтскій крикъ не умолкалъ....
Все дымъ сгущался.... Яркій блескъ
Огня прорѣзывалъ порой
Ту мглу кровавой полосой,
Послышался зловѣщій трескъ,
И... подъ остатками стѣны
Въ единый мигъ погребены
Живые трупы.... Много ихъ....
Не перечтешь.... Какъ бы живыхъ,

Я вижу ясно двухъ дѣтей
Въ объятьяхъ матери своей,
Прелестной, блѣдной, молодой....
Я помню образъ неземной
Съ улыбкой смерти на лицѣ,
Въ ужасномъ, огненномъ вѣнцѣ....
Что было дальше—ничего
Я не скажу, да и всего,
Что совершилось въ этотъ мигъ,
Не перескажетъ мой языкъ,
Но взглядъ той женщины святой
Я долго видѣлъ предъ собой...

**
*

Утѣшься другъ, къ чему о прошломъ слезы,
Зачѣмъ терзать сомнѣніями грудь...
Не поздно юности божественныя грезы
Поставить вновь на свѣтлый счастья путь.
Опять забьется сердце пылкой страстью,
Надежды лучъ блеснетъ въ душѣ твоей,
Какъ послѣ бурной ночи и ненастья
Засвѣтитъ солнце ярче и свѣтлѣй...
Смотри впередъ, на яркій блескъ разсвѣта,
Вѣдь солнца лучъ прорѣзалъ мракъ ночей,
Забыта ночь, и грудь твоя согрѣта
Любовью пылкою и нѣжностью привѣта,
И счастье новое воскреснетъ предъ тобой.

---

* * *

Предъ ликомъ страждущимъ Христа
Стою я, угнетенъ тоскою,
И думаю — какъ жизнь пуста
Безцѣльно прожитая мною.
Полжизни шумныхъ кутежей,
Полжизни пошлаго разврата,
Да фразъ истрепанныхъ, рѣчей
За горе страждущаго брата.
И рѣчи лили мы волной,
Перебивая слово друга
За пьяной чашей круговой,
Въ часы разгула и досуга...
Хотѣли что-то совершить,
Да и отдѣлались словами...
Намъ не пришлось, какъ надо жить: —
За шумомъ пира, кутежами
Вся жизнь безцѣльно протекла...
Намъ чужды чистые восторги,
Въ глазахъ темно, туманъ да мгла,
Да чадъ въ мозгахъ отъ дикихъ оргій.
Полунѣмой, едва живой,
Я на Тебя гляжу, Учитель,
И мысль одна въ душѣ больной: —
Спасать не стоитъ насъ, Спаситель!

ПОСЛѢ БУРИ.

Тихо стонетъ боръ сосновый,
Вздулась грозная рѣка,
Вѣтеръ сѣверный, суровый
Къ югу гонитъ облака.

Изъ за мрака тучи черной
Синева видна небесъ,
И упалъ ужъ благотворный
Солнца лучъ на темный лѣсъ!

РАЗДУМЬЕ.

Кончились юности годы веселые,
Сгибли надежды, любовь и желанія,
Только на вѣки остались тяжелыя
Злоба безсильная, грусть и страданія.

Пошло сложилась вся жизнь безтолковая!
И не проснутся ужъ силы убитыя,
И не заглянутъ по прежнему новыя
Чувства прекрасныя въ сердце разбитое!

---

*
* *

И въ ученыхъ засѣданьяхъ,
И почти во всѣхъ изданьяхъ,
Цѣлые вѣка,
Люди смѣло воевали,
Говорили, засѣдали,
Всѣхъ сортовъ статьи писали
Противъ кабака.

А вино межъ тѣмъ по селамъ
Ядомъ жгучимъ и веселымъ
Льется, какъ рѣка....
Зло нападокъ не боится,
Все растетъ оно, кичится,
И народъ всегда толпится
Противъ кабака.

СЛЕЗЫ.

Часто вижу я горькія слезы
На лицѣ утомленномъ твоемъ,
Но сквозятъ въ нихъ счастливыя грезы,
Эти грезы о немъ.... Все о немъ!
Но есть слезы тяжелѣй и жгучѣй,
И онѣ на челѣ не блестятъ,
А скрываются въ груди могучей,
Мучатъ душу и умъ леденятъ!...
Эти слезы прольются на тризнѣ,
У подножья геройскихъ могилъ,
О страдающей бѣдной отчизнѣ,
И о гибели доблестныхъ силъ!...

*
* *

Ты плачешь—и идетъ народъ шумящею толпой....
Никто на слезы тѣ не обратитъ вниманья
И не пойметъ души твоей страданья,
Твой слезъ потокъ для всѣхъ людей чужой....
Одинъ въ лицо тебѣ свою насмѣшку броситъ,
Тотъ съ молодою, пылкою душой
О горѣ, можетъ быть, съ участіемъ разспроситъ,
Да и уйдетъ, махнувъ усталою рукой....
Нѣтъ! Ты смотри бодрѣе, дерзостнѣй впередъ,
А слезъ не лей,—міръ не пойметъ печали,
Смотри, чтобъ слезъ твоихъ чужіе не видали
И только свѣтъ тогда тебя пойметъ!

ВѢТКА.

Оторвана отъ тополи родной
Лежала вѣтка свѣжая въ пыли,
Заброшена безжалостной рукой....
По улицѣ шумящей толпой
Безпечно люди шли.

Я вѣтку взялъ и въ землю посадилъ;
Она, свѣжѣя съ каждымъ днемъ, росла.....
Прошли года.... Въ ней много было силъ,
Я въ знойный день къ ней часто приходилъ,
Гдѣ тѣнь кругомъ легла....

И вспоминалъ: на улицѣ весной
Она лежала, бѣдная, въ пыли,
Заброшена безжалостной рукой,
Оторвана отъ тополи родной,
Отъ родины вдали!

———————

СТАРАЯ ТЕТРАДЬ.

Люблю въ тебѣ, знакомая тетрадь,
Порой пересмотрѣть я каждый листъ измятый,
Чтобъ прошлыхъ дней былое вспоминать,—
Въ тетради старой матерьялъ богатый.
Вотъ строчекъ пять. Написаны они
На память другу, съ кѣмъ мы коротали,
Въ святые молодости дни,
Минуты горя, радости, печали....
Исчезъ мой другъ. Разстались мы давно.
Быть можетъ, онъ гніетъ подъ крышкой гроба,
Иль, можетъ быть, глядитъ, сквозь мерзлое окно,
На гребень снѣжнаго, высокаго сугроба....
А листъ все здѣсь.
                    Вотъ эти десять строкъ,
Исполненныхъ и злобы, и проклятій,
Я написалъ....
                    Что-жъ написать я могъ,
Увидѣвши страданія собратій?!..
А вотъ еще исписанъ строчекъ рядъ....
Въ нихъ все любовь, надежды, упованья;
Онѣ въ душѣ усталой воскресятъ
И первую любовь, и первое свиданье.
Люблю въ тебѣ, знакомая тетрадь,

Порой пересмотрѣть я каждый листъ измятый;
Чтобъ прошлыхъ дней былое вспоминать,—
Въ тетради старой матерьялъ богатый...
И дорогъ мнѣ въ тетради каждый листъ,—
Онъ юность воскрешаетъ предо мною...
Читаю я—и снова сердцемъ чистъ,
Читаю я—и снова юнъ душою!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 2 руб.



